

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ

«ГОРОД ДА СТАНИЦА...»

В. Ф. ЧЕШОК

***ВНАЧАЛЕ БЫЛА
ЛЕГЕНДА***

РАССКАЗЫ О ТАНАИСЕ

К 70-летию со дня образования Ростовской области

Ростов-на-Дону

2007

ИЗДАНИЕ ДЛЯ СЛАБОВИДЯЩИХ

ТЕКСТ ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ИЗДАНИЮ:

ЧЕСНОК В. Ф.

**ВНАЧАЛЕ БЫЛА ЛЕГЕНДА: РАССКАЗЫ О ТАНАЙСЕ. –
РОСТОВ-НА-ДОНУ: КН. ИЗД-ВО, 1987**

ФОТОГРАФИИ ДЛЯ КНИГИ

**ПРЕДОСТАВЛЕНЫ ГОСУДАРСТВЕННЫМ
МУЗЕЕМ-ЗАПОВЕДНИКОМ «ТАНАИС»**

РЕДАКТОР

Е. И. СОКОЛОВА

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ:

Л. А. ЖУРАВЕЛЬ

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЁРСТКА:

Е. И. СОКОЛОВА

ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК

И. К. ЕРМОЛЕНКО

ТИРАЖ: 6 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ОТПЕЧАТАНО В

**ОБЛАСТНОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ
БИБЛИОТЕКЕ ДЛЯ СЛЕПЫХ**

АДРЕС:

**344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

**«Тánaис, Танáис, Танаúс» –
как тогда звучало это слово?
Сух колодец, на пороге дома
травы молодые поднялись.**

**Отошли морские берега,
лишь камыш склоняется в печали,
там, где ростры кораблей встречали,
гладь залива, звонкая река.**

**Лишь порой ветра из дали той
возвращают плеск забытых вёсел.
шум былых обрядов и ремёсел,
стихнувших над гулкою водой.**

Л. Ф. Волошинова

СОДЕРЖАНИЕ:

Легенды ведут к фактам.....	5
Тысячелетие легенд.....	8
Рог океана.....	25
Был ли Одиссей на Дону?.....	44
Образ мира.....	67
Стреляют из лука и ездят верхом.....	77
Послесловие.....	90
Словарь.....	91

ЛЕГЕНДЫ ВЕДУТ К ФАКТАМ

Археологические раскопки в один из летних сезонов на западной окраине Ростова. Над крутым береговым обрывом из-под тысячелетнего груза земли и щебня постепенно выступают очертания укреплений бронзового века, появляются культурные слои прошедших эпох, могилы древних поселенцев. Под июльским солнцем в облаке пыли поблёскивают лопаты, звучат молодые голоса, мелькают загорелые тела – слаженная, весёлая работа студентов-практикантов университета. Ближе к полудню темп спадает, наваливается усталость, и даже самые активные трудяги украдкой поглядывают на часы. Желанный сигнал на перерыв не приходится повторять дважды. Скорее по склону вниз, к спасательной воде, к отдыху, к обеду! Раскоп пустеет, лишь начальник в последний раз окидывает взглядом сделанное за день, делая пометки в полевом дневнике, да жилистый, припудренный вековой золой из древних слоёв парень вертит в руках лопату и просит разрешения остаться на *«вторую смену»*. Накануне он видел на срезе подозрительное пятно, может быть, ещё одно погребение, надо проверить, изучить, спасти от разрушения. Этот парень – студент Валера Чеснок, будущий автор предлагаемой читателю книги.

Многое изменили прошедшие десятилетия. Итоги раскопок давно вошли в фонд научной литературы, растущий город угрожающе подступил к стенам древней крепости, и новые проблемы волнуют новое поколение донских археологов. Но не остыла энергия и страсть к исследованиям у заведующего археологическим музеем-заповедником *«Танаис»* Валерия Фёдоровича Чеснока. Как и прежде, он постоянно

нацелен на действие, по-прежнему задачи – проверить, изучить, спасти – для него первоочередные. И этот интерес к прошлому не самоцель, не слепое увлечение, а необходимое звено в большой воспитательной и пропагандистской работе, которую ведёт музей-заповедник.

В серии очерков *«Вначале была легенда»*, объединённых историей реки Танаис (Дон) в представлении античных писателей, автор рассматривает знакомые сюжеты античной мифологии. И это не просто очередной пересказ красивых легенд, не ностальгическое любование минувшим. В. Ф. Чеснок пытается сопоставить разрозненные свидетельства и версии, проследить взаимосвязь источников, обратить внимание читателя на детали, соединить прошлое с настоящим. Очерки написаны человеком, любящим историю. Эмоциональный, нешаблонный стиль и удачные авторские отступления делают чтение занимательным. Видимо, это главное и немалое достоинство книги!

Это не научный труд, но в книге косвенно затронуты серьёзные проблемы истории. Греческая архаика эпохи мифотворчества, послужившая фоном для очерков, черпала вдохновение из двух различных источников. Первый – наследие крито-микенской культуры, тесно связанной с цивилизациями Передней Азии эпох неолита и энеолита, территориально включавшими всё южное Причерноморье и Закавказье, а второй – индоевропейские корни населения Греции, языковое родство греков с племенами восточных территорий, в том числе и с населением Северного Причерноморья.

Оба обстоятельства хорошо объясняют, почему греческая мифология, а следовательно и литература,

как бы развёрнуты лицом к востоку: троянский цикл, аргонавтика, Ахилл, Геракл, Прометей, Артемида, Ифигения, амазонки и т. д. – всё связано с Причерноморьем.

Естественно, что Танаис как символ этого далёкого, но притягательного мира, как известный его предел вызывал интерес и получал широкое отражение в трудах и литераторов и историков. Всё, что здесь находилось (население, обычаи, климат, животный мир, растительность), всё было для грека чудесно и гиперболично, подобно сказочным представлениям об Индии в средневековой Европе.

Именно этим объясняется популярность Танаиса в античной традиции. Более крупные, но и более близкие реки Тирас (Дунай), Борисфен (Днепр), вызывали у греков скорее практические соображения (рыба, качество воды, возможности судоходства), а Танаис был для них загадочной теоретической проблемой. Откуда течёт, что за ним?

Исподволь книга помогает читателю связать наши привычные донские памятники с историческими проблемами мирового масштаба, заставляет задуматься над судьбой древностей, почувствовать ответственность за наследие прошлого. В повседневных буднях мы, к сожалению, не часто замечаем следы былого, не часто осознаём связь времён. Дорого обходится эта слепота! Никакими деньгами и решениями не восстановить погибших по небрежению памятников, не ликвидировать возникших из-за этого пробелов в нравственном и политическом воспитании молодёжи, ущерба в национальной культуре. Сейчас, когда дело охраны памятников поднято на уровень важнейших государственных интересов, необходимо прак-

тически решать некоторые проблемы донских древностей.

Не всё равноценно в серии очерков. Но бесспорно одно: книга В. Ф. Чеснока нужна читателям всех возрастов, любых профессий. Доброго ей пути!

В. Кияшко

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ЛЕГЕНД

Рукописные строки. Несмотря на разделяющие столетия.

Как утверждают скифы, из всех племён их племя самое молодое, а возникло оно следующим образом: первым появился на этой земле, бывшей в те времена пустынной, человек по имени Таргитай. А родители этого Таргитая, как говорят (на мой взгляд, их рассказ недостоверен, но они всё же именно так говорят), «Зевс и дочь реки Борисфена. Такого именно происхождения был Таргитай. У него родились три сына: Липоксай, Арпоксай и самый младший Колаксай. во время их правления на скифскую землю упали сброшенные с неба золотые предметы: плуг с ярмом, обоюдоострая секира и чаша. Старший, увидев первым, подошёл, желая их взять, но при его приближении золото загорелось. После того, как он удалился, подошёл второй, и с золотом произошло то же самое. Этим загоревшееся золото отвергло, при приближении же третьего, самого младшего, оно погасло, и он унёс его к себе. И старшие братья после этого, по взаимному соглашению, передали всю царскую власть младшему.

*От Липоксая произошли те скифы, которые имену-
ются родом авхатов. От среднего Арпоксая произо-
шли именуемые катиарами и траспиями. От самого
же младшего из них – цари, которые именуются па-
ралатами.*

*Все вместе они называются «сколоты» по имени ца-
ря; скифами же называли их греки.*

*Скифы утверждают, что именно так они и произо-
шли...»*

Первая в отечественной истории легенда рассказы-
вает о происхождении древнего народа, кочевавше-
го на просторах южнорусских степей. Он вошёл в ис-
торию нашей Родины изумительными по красоте и
совершенству памятниками искусства, открытыми
археологами; древними курганами и городищами;
судьбой, до сих пор ещё загадочной.

Легенды не имеют дат рождения.

Сказание о трёх братьях и небесных дарах впервые
рассказано Геродотом в V веке до н. э. в книге «Ис-
тория», но сколько поколений до Геродота переда-
вали друг другу бессмертные сюжеты, мы не знаем.
Нам никогда не развернуть и папирусный свиток с
этим повествованием, написанный рукой автора: в
лабиринтах событий более чем двух тысячелетий они
исчезли бесследно.

Но слова остались. Рукописные строки их бережно
переносились из века в век безымянными перепис-
чиками до изобретения книгопечатания, и тогда, от-
тиснутые типографским набором в миллионах экзем-
пляров, они перестали зависеть от воли случая.

Если представить известия о далёком прошлом
нашей Родины в виде рек и ручьёв, вливающих в
океан наших сегодняшних знаний о древностях, то
самыми полноводными будут источники археологи-

ческие. Историческое пространство науки археологии огромно, специалисты этой профессии работают в хронологическом диапазоне в десятки тысяч лет. Не случайно соседкой археологии по историческому времени оказалась геология – наука, оперирующая уже миллионами лет. Высока и степень специализации в этой науке: порой круг профессиональных интересов археолога может пожизненно ограничиваться всего несколькими сотнями лет истории, изучением одной локальной культуры на небольшой территории.

Среди множества исторических «рек» можно и не заметить одну – она течёт в узких берегах полутора тысячелетий, но она самая глубокая. Глубины её до конца не измерены никем, и, по-видимому, они неизмеримы. Это – первые письменные свидетельства о земле нашей Родины.

Вначале – легенды, античные летописи, периплы, сказания, позднее – «сказки» служивых людей, записки путешественников русских и иностранных, послания и указы на Дон и письма с Дона – Войскового круга и атаманов.

Независимо от профессии древнего автора, жанра сочинения, степени достоверности приводимых фактов мы определяем их словом – «источники», однокоренным со словом «истоки».

Кто написал самые первые строки о земле нашей Родины? Где и когда? Кто впервые побывал на этой земле с целью изложить на папирусе, пергаменте и бумаге свои наблюдения и впечатления? Ведь только через написанные строки мы можем увидеть прошлое глазами первых летописцев. Так определилась и задача нашей книжки – ввести читателя в круг древнейших письменных источников.

В сочинениях авторов Древней Греции и Рима можно встретить сведения об истории и культуре народов нашей страны. Привлекало всё: необычный климат, реки, обычаи, загадочное прошлое, удивительные сказания. Среди этих имён – знакомые читателю со школьного учебника – Гомер, Эсхил, Аристофан, Геродот, Страбон, Плутарх, Плиний, Овидий Назон, Гиппократ, Сенека. Представления об этом крае сыграли важную роль в формировании античного мировоззрения и европейской культуры в целом.

Эти первые книги об истории – увлекательнейшие повествования. В них ребёнок найдёт сказку, юноша – поэму, учёный – факты. Чуть-чуть они похожи на современные энциклопедии – описание подробностей быта и воинских подвигов. Но если в современную энциклопедию мы заглядываем изредка, уточняя тот или иной факт по очень узкому разделу знаний, то первые книги в равной степени предназначались и математикам, и поэтам, и философам, и политикам.

Не случайно определения профессии энциклопедистов древности так отличаются от наших. Гомер – философ, педагог, естествоиспытатель, учитель жизни для многих поколений греков. Геродот – путешественник, писатель, этнограф, но его произведения *«сохраняют все отличия поэзии»*, по словам географа Страбона. Сам Страбон считал себя философом. В начале своего знаменитого сочинения, названного *«Географией»*, он пишет, что полезность науки предполагает в географе также и философа – человека, который посвятил себя изучению искусства жить, то есть – счастья.

В ореоле легенд вошли в историю Европы и Азии Скифия и Сарматия, их реки – Истр (Дунай), Бори-

сфен (Днепр), Тира (Днестр), Танаис (Дон). В книге мы рассказываем об истории реки Танаис. В живом интересе к ней писателей и поэтов разных эпох звучит история того далёкого времени, когда степь, где протекала *«восьмая река Скифии»* Танаис, казалась окраиной Вселенной.

Наиболее часто в книжке упоминаются и цитируются Гомер и Геродот. Этим двум именам история нашей Родины обязана многим: Гомер поведал о народе, строившем свои поселения в донских низовьях, Геродот рассказывает о традициях племён и первых городах Северного Причерноморья и Приазовья.

Они жили в I тысячелетии до н. э., в эпоху великих открытий человечеством своего дома – планеты Земля. В это тысячелетие пути античной цивилизации пересеклись с культурой народов юга нашей страны. И как место сварки двух металлов наиболее прочно на излом, так стык двух таких различных культур, разделённых Понтом Эвксинским, оказался наиболее жизнестойким, воздействуя на все сферы общественной жизни в зоне контактов.

Мореплаватели и путешественники осваивали пространства за пределами Ойкумены, за чертой обследованных, обжитых территорий. Торговые пути, сухопутные и морские, были кровеносной системой культуры, разносившей по всему миру хлеб и сказания, произведения искусства и предметы быта, идеи и открытия. Люди обменивались знаниями друг о друге – обычаях, привычках, нравах.

Гомер и Геродот – современники по тысячелетию: их судьбы разделяет около четырёх столетий. По нашим современным меркам, они – представители разных эпох. Оглянитесь, отсчитав в отечественной

истории четыре века, – и вы окажетесь как будто в ином измерении: средневековая Русь, время Ивана Грозного. Но в I тысячелетии до н. э., в котором жили и сочиняли книги эти люди, ритмы времени были другими. Это легко почувствовать, читая поэмы Гомера, исторические сочинения Геродота или, например, географические исследования Страбона, жившего в I веке н. э. Несмотря на разделяющие их столетия, авторы кажутся для XX века представителями одной эпохи. Впечатление не обманывает.

Через 700 лет после создания *«Одиссеи»* и *«Илиады»* благоговеющий перед Гомером Страбон защищает поэта как своего близкого по духу и времени учителя, защищает от нападок своих учёных-современников так, как будто рассчитывает услышать от учителя слова одобрения.

Историк Фукидид, младший современник Геродота, скептически отнёсся к великому предшественнику, говоря, что он *«не считает правильным передавать услышанное от первого встречного»*.

Через пять столетий после жизни Геродота, в I веке н. э., когда уже полностью изменится политическая карта античной эпохи, а наука обогатится множеством выдающихся имён, один из историков времени могущества Римской империи скажет о Геродоте: *«Содержание его книги обширно и блестяще»*. И примерно в то же время знаменитый Плутарх напишет книгу, которую назовёт *«О злокозненности Геродота»*. Он обвиняет историка с таким пылом и раздражением, будто обращается к коллеге, живущему с ним в одном городе и на одной улице.

«Всё началось с Гомера», – такой строкой начнёт своё сочинение один из античных авторов. Последуем и мы его совету.

Поэмы Гомера *«Илиада»* и *«Одиссея»* – своеобразная энциклопедия древности. Они рассказывают обо всём: как печь хлеб и запрячь коня, как выковать меч, сварить мясо, построить корабль, приготовить сыр...

Сюжет *«Илиады»* – эпизод последнего года десятилетней греко-тройанской войны. *«Одиссея»* – рассказ о странствиях одного из участников осады Трои Одиссея, преследуемого мстительным богом Посейдоном.

Поэмы созданы примерно в IX – VIII веках до н. э. В них мы встречаем первые упоминания о племенах на северных берегах Чёрного моря. В главе *«Илиады» «Битва при кораблях»* описывается, как Зевс обращает свои *«светозарные очи вдаль»*, на север, созерцая земли конных наездников фракийцев и дивных гиппемолгов – доителей кобылиц.

Это кочевые скифы из племени абиев.

«Справедливейшими из людей» называет их Гомер. *«У них общее всё, кроме меча и чаши»*, – объясняет он эту характеристику позднее. *«Они конское ржанье поставили выше всякой музыки»*.

В *«Одиссее»* поэт рассказывает о стране киммерийцев – древнейшем народе отечественной истории.

По сочинениям Гомера биографию автора не составить. Ничего не известно о личности и судьбе великого поэта, чей поэтический авторитет бесспорен для всей мировой культуры, образы поэм которого вдохновляли литературу от древности до наших дней.

В отличие от Гомера основные моменты биографии Геродота известны, хотя точность их очень приближительна. В традициях своего времени в книге *«История»* он упоминал о себе только в тех случаях, ко-

гда нужно было подтвердить или опровергнуть тот или иной факт или мнение: *«Меня эти рассказы, конечно, не могут убедить; тем не менее, так говорят...»*

Родился он примерно в 484 году до н. э. в малоазиатском городе Галикарнассе, умер между 431-425 годами до н. э.

«История» – география его путешествий.

Он побывал в Ливии, Вавилоне, поднимался вверх по Нилу до острова Элефантины, объездил Малую Азию и Балканский полуостров, путешествовал по северным берегам Понта – Чёрного моря. *«Из всех морей это наиболее достопримечательное»*, – пишет о нём Геродот.

Значение книги Геродота ещё при жизни его было признано выдающимся. Легенда гласит, что благородные жители Афин отметили труд историка необычайно щедрой наградой – десятью талантами серебра.

И дело не в сумме вознаграждения за труд, которому посвящена жизнь. Вспомним, что *«История»* создавалась тогда, когда строился Парфенон, величественный храм в ансамбле афинского Акрополя, – оба произведения и у современников, и у потомков оценивались равной мерой. Это время истоков всей европейской культуры. Круг современников Геродота: Эсхил – *«отец трагедии»* (он умер в 456 году до н. э.), Софокл и Эврипид находились в зените славы, историк Фукидид и *«отец комедии»* Аристофан – младшие современники историка.

Характер работы Геродота отличался от привычных для нас представлений о деятельности историка. Не существовало архивов, ещё далеко было до рождения науки археологии, не велась нигде последова-

тельная письменная хроника происходящего. События прошлого через призму двух-трёх столетий и описания далёких земель представляли часто в причудливом обрамлении и фантазии.

Описать прошлое и настоящее, связав его с личным к нему отношением и переживаниями, невозможно без художественного мастерства. Поэтому наука, искусство и фантазия шли рядом, помогая друг другу. Рассказывали о реках на краю Ойкумены, текущих в золотых руслах, о крылатых существах с телом льва и головой орла, охраняющих у подножия Рипейских (Уральских) гор золото и земные сокровища. *«Говорят, что одноглазые люди – аримаспы – похищают его у грифов, - рассказывает Геродот. - Но я в это не верю, - с нескрываемой иронией замечает он, - равно как и в то, что люди рождаются одноглазыми, имея прочие природные свойства такие же, как и у остальных людей».*

Он гуманист. Словами одного из героев он определяет своё отношение к войне: *«Кто столь безумен, чтобы предпочесть войну миру: во время мира дети хоронят своих отцов, во время войны – отцы хоронят детей!»*

Его *«Историю»* не будут открывать, как многие забытые сочинения других авторов, эту книгу будут помнить и читать всегда, правда, с разной степенью доверия к приводимым фактам. Геродот будто предвидел, что станет собеседником многих поколений, будто чувствовал ответственность перед потомками. Это ответственность первопроходца, который знает, что по его следам пройдут ещё не скоро, а золотая россыпь фактов, смытая потоком времени, может исчезнуть.

Слава его не зависела от моды и смены эпох. В I веке до н. э. его назовут отцом истории. Титул закрепился на все времена, но вкладываемый в него смысл менялся от эпохи к эпохе. Например, в науке XIX века, определявшей задачу истории как сбор документов и фактов, заслугой Геродота считалось обилие собранных им сведений. В начале XX века в Геродоте видели историка и политического деятеля. Для современной науки Геродот – первый учёный, осознавший, что история – это диалектический процесс, развёртывающийся во времени и пространстве. Книга Геродота была первым путеводителем в научных исследованиях русских историков, в ней искали сведения о древнейших временах отечественной истории.

Московский стольник Андрей Лызлов в 1692 году написал сочинение под названием *«Скифская история»*. В нём широко использованы труды античных авторов – историков, географов и поэтов. Он упоминает и пересказывает свидетельства Геродота о Скифии. *«О названии Скифии и границ ея, и о народах скифских... и прочих... и об амазонках, мужественных жёнах их...»* – так исчерпывающе многословно, в традициях века, назван был начальный раздел *«скифской истории»*, в которой московский публицист XVII века обращается к античному наследию.

«История» Геродота делится на девять книг. Позднее (уже не автором) каждой книге будет дано имя одной из муз – богинь, олицетворяющих произведения искусства, поэтому всё сочинение иногда называли *«Музы»*.

Первая книга озаглавлена *«Клио»* – по имени музы истории, вторая – *«Эвтерпа»* – покровительницы по-

эзии, третья и четвёртая – «Талия» и «Мельпомена» – театральных муз комедии и трагедии, пятая – «Терпсихора» – музы танцев и хорового пения, шестая – «Эрато» – лирики, седьмая – «Полигимния» – пантомимы, восьмая – «Урания» – астрономии и последняя, девятая, книга носит имя самой старшей из муз – «Каллиопа», представляющей эпическую поэзию.

Цель книги Геродота – рассказ о борьбе греков и персов, демократии с тиранией.

В введении Геродот формулирует принцип, которым он руководствовался, совершая свой подвиг (а создание книги и было подвигом), принцип, современный и в наш XX век, будто историк начертал его не в хрупком папирусном свитке, но, убеждённый в долговечности своего профессионального кодекса, вырубил его в мраморе: *«Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы с течением времени не пришли в забвение; и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не оставались в неизвестности...»*

Своеобразна композиция книги: её можно раскрыть на любой странице и, начав читать, найти законченное и занимательное повествование. Подчиняясь общему плану книги – изложению истории Греко-персидских войн, новеллы, легенды, мифологические сюжеты переплетаются с документальными фактами, предположения – со строгой научной прозой.

Интересной особенностью обладает историк. Для него не существует хронологической последовательности в рассказе, он не связан датами и годами, главным он считает – связать событием всю пестроту разнообразных фактов.

Поэтому он выстраивает книгу так, что повествования о самых разных странах сохраняют характер самостоятельных сочинений, называвшихся «логос». В буквальном переводе с греческого «логос» означает «слово», «рассказ». Геродот определяет им тематическое единство каждой книги, составленной, на взгляд современного читателя, из произведений разнообразных жанров – устного рассказа, легенды, размышления, цитат из произведений предшественников. В книгах Геродота они сливаются в единое и величественное целое.

Скифии посвящена четвёртая книга его «Истории». Книга названа именем музы Мельпомены. Суров и возвышен облик этой музы в античном искусстве. Высокая молодая женщина, облачённая в театральную мантию, увенчана венком из театральных листьев, в руках трагическая маска и меч. С этой книги начинается письменная летопись нашей Родины.

Минует два с половиной тысячелетия, возникнет наука археология, которая обогатит наши знания о далёком прошлом множеством новых фактов, но объяснения этим фактам мы будем искать в живом свидетельстве очевидца.

Из каких источников брал Геродот сведения о Скифии? Он сам поясняет в повествовании – «я расспрашивал», «я не видел и говорю со слов», «численность скифов я не мог точно узнать, но слышал об их числе различные сообщения...», «вот что мне наглядно показали...» Книга историка – дневник очевидца, документ, не сравнимый с любым другим видом источников.

Но важным было не только умение видеть и расспрашивать, но и отобрать из увиденного и услышанного главное, расположить сведения в такой си-

стеме и последовательности, чтобы и второстепенные детали работали на тему, и чтоб заинтересованный разговор с читателем не прерывался.

Скифский логос написан по тому же плану, что и другие книги: вначале Геродот рассказывает о природе страны, её географическом положении, затем описывает характер, образ жизни и обычаи народа и, наконец, его политическую историю.

Маршрут Геродота по скифской земле восстанавливается по его книге. Он побывал в Ольвии (*«Торжище борисфенитов»*), у скифов-земледельцев в Приднепровье, обогнул морем Таврию – Крымский полуостров, где свирепые тавры *«приносят в жертву потерпевших кораблекрушение»*. Затем пересёк Меотиду – Азовское море – и путешествовал в приазовских степях, рассказав о племенах *«от Меотийского озера до реки Танаис»*, которая впадает в *«наиболее отдалённый угол этого озера»*. На восток от Танаиса кочевали савроматы, *«говорящие на скифском языке»*, на запад от реки – территории скифов-кочевников и царских скифов. В дельте от Танаиса и на восточном побережье Меотиды обитали меоты, выше савроматов по Танаису в лесостепной полосе жили будины, *«племя большое и многочисленное»*. Земли последних граничат с территорией племени невров, о которых *«говорят, что раз в год невр становится волком на несколько дней, а затем снова возвращается в прежнее состояние»*.

Он повествует о богах, передавая звучание их скифских имён и сопоставляя с греческими олимпийцами, рассказывает о военном деле и искусстве врачевания у кочевников, о жертвоприношениях и гаданиях, наказании преступников и погребальном

обряде, об удивительных явлениях природы и невиданных животных и растениях.

Рассказывая легенды о самых загадочных крайних рубежах Ойкумены – севере Скифии и Урале, *«которые замыкают и заключают внутри себя всю остальную землю»*, он пишет о том, что, по-видимому, эти области *«действительно имеют то, что считается у нас самым прекрасным и самым редким»*.

Глазами Геродота мы видим мир степей в один из интереснейших периодов истории. А может, он и интересен потому, что мы видим его глазами любознательного человека...

Что двигало его трудом? Честолюбие? Желание разбогатеть? Потребность риска или авантюризм? Нет! Жажда истины. Казалось, что, несмотря на огромность пределов Ойкумены, её можно измерить годами собственной жизни.

Одно несомненно – взгляд Геродота не бесстрастен, он не только вёл летопись фактам, но размышлял над увиденным, поражался многообразию мира и чётко определял цель, ради которой отправился в путешествие, требовавшее по тем временам не только многих лет жизни, но и отваги, и мужества.

Он впитывал жизнь с жадностью ребёнка, только осознавшего, что есть глаза – чтобы видеть, уши – чтобы слышать, и папирусные свитки – чтобы записывать. Мир для него был разделён на две части – то, что было описано и объяснено, и то, что оставалось тайной. И он был убеждён, что нет тайн, недоступных счастливой способности человека – видеть и размышлять над ними. *«Я обязан сообщать всё, что мне говорят, но верить всему не обязан»*.

Он делится с нами своими сомнениями, находками, разочарованиями и удачами с искренней страстью

человека, жаждущего объяснить мир. И в отношении к мифам и фактам так живо проявляется личность историка, особенности характера, что, кажется, возьми за чтение Геродота хороший художник – он только по одним комментариям смог бы воссоздать портрет автора.

Крупницы фактов сплетались причудливо поэтичной фантазией, но мир был так загадочен, что легенды казались лишь слабым отблеском тех тайн, что скрывались за горизонтом, за гранью видимого мира. Нам, жителям века космического, нетрудно понять это чувство неизведанной земли, роднящей путешественников всех эпох и народов. Оно не утрачено людьми с тех далёких времён, когда земля неизвестная начиналась для путешественника едва ли не за пределами острова или города... Осознавая обжитость Земли, опоясанной шоссейными и воздушными трассами, мы уже видим свою планету берегом загадочного пространства Вселенной.

Поэтический строй повествований Геродота чрезвычайно интересен. Любая, даже самая невероятная, фантазия в его книгах в основе своей держится фактами. Докопаться до этих фактов, воссоздать логику мысли – увлекательнейшая работа.

С какими думами путешествовал по степи учёный грек из Галикарнасса? Можно ли прочесть их между строк его сочинений?

Степные дороги... Родились ли они со степью в первый день творения, и у Зевса не достало сил привести их в соответствие с красотой природной, или сам мрачный Тартар сопутствовал богу и там, где прошёл он, пролегли эти колеи с чёрной вязкой землёй, намертво липнущей к обуви?

Колёса телег вращаются медленно, будто они намотали на свои деревянные оси всю тяжесть пути, уже оставшегося позади, и вот-вот остановятся и развалятся на части. И только волы в упряжках идут размеренно, неторопливо, словно приготовились к тому, что брести им через всю Великую степь к самому берегу Океана.

Да и существует ли Океан? Кто видал его воды и небо над ним? Но тогда что же завершает пространство этой степи? Или где-то далеко должны существовать огромные горы, столь же сказочные, как и сама степь, и где грифоны стерегут золото?

Здесь, в степи, он потерял счёт дням. Наверное, здесь иное время, медленное, как вращение колёс этой повозки. Иногда оно вовсе не течёт, но затем, повинувшись таинственным законам, стремительно убыстряет бег, навёрстывая упущенное.

Как непохожа степь на его родину, где белые колонны храмов поддерживают прозрачно-голубое небо и боги не покидают землю даже зимой, прячась от простых смертных в кронах деревьев, в струях родников и в морских волнах, не знающих тяжести льда.

Но почему тогда так притягательна степь для его души, особенно ночами, когда простор земли кажется продолжением звёздного неба?!

Может быть, степь накапливает в необъяснимых тайниках своих оврагов, полноводных рек, терпкой травы память обо всём, что прошумело над степью, и стоит прислушаться, всмотреться, как всё это хлынет в душу...

Иногда на берегах рек он встречал посёлки номадов – они походили на животных, пришедших к водопою, или на снявшиеся со своих мест кочевья, ожидаю-

щие, когда в реке спадёт вода, чтоб перебраться на другой берег. Их хижины, собранные из жердей, обмазанные глиной и покрытые речным тростником, казались ненадёжным укрытием от холодов. Но он не раз ночевал в этих хижинах и с удивлением убеждался, что в них тепло, как и в каменных домах его родины Эллады.

Ещё устраивают они жилища на больших повозках с неподвижными осями и сплошными дисками колёс. Как же не быть им непобедимыми и недоступными для нападения? Они многочисленны и мужественны – ведь природа земли им благоприятствует и реки оказываются их союзниками.

Может быть, эти люди степей спускаются с неба по дороге, опоясывающей тёмный свод и подёрнутой туманом? И когда Гелиос скатит свою сверкающую колесницу на берега Ахерона, там, где степь соединяется с небесной дорогой, скифы осторожно сводят с неё своих коней. И едва почувствуют копытами их кони пыльную твердь степи, как обретают в этом силу, стремительность, а всадники – мужество и неуязвимость. Недаром ведь небо шлёт драгоценные дары этому народу. А может быть, сама степь рождает людей, превращая в воинов густые травы, и если сын степи рухнет с коня со стрелой в сердце, то, как Антей, прикоснувшись к земле, он вновь обретает жизнь и силу.

Сколько чудесного в этой степи...

Легенды родились в степи, и в степи им ищут подтверждения. Древность земли легко ощутить в горах – геологические пласты как морщины на лице планеты. Но нигде так не почувствуешь древность человеческой культуры, как в степи. Не потому ли, что степь была матерью-родиной многих народов, и мы,

попадая в степной край, смутно осознаём родство через цепко завязанные в крови генетические узелки, переданные людям далёкими их предками.

Но каким свидетельством может подтвердить степь свои права на историю? Какой след может остаться на земле, оббитой стадами, обметённой ветрами нескольких тысячелетий, взрыхлённой деревянной сохой и перепаханной стальным плугом?

Древняя прекрасная земля!

РОГ ОКЕАНА

Танаис? Дон? Сырдарья? Река получает имена.

Сильнейший юго-западный ветер и тяжёлые волны били в грудь «Сокола», казалось с одинаковой силой. Но катер упрямо преодолевал обе стихии. Сквозь стекло рубки мы видели медленно приближающуюся развилку речных дорог – влево отклонялся Дон, а направо, поуже, ответвлялся рукав Мёртвого Донца.

Между ними острый угол песчаной отмели, на которой сидели нахохлившиеся чайки.

С этой отмели начиналась донская дельта.

За отмелью расстилалась роща, сквозь деревья, расчертившие горизонт графиком озябших веток, можно было разглядеть дома хутора Колузаево и ленту шоссе. Дальше взглядом окинуть дельту было невозможно – площадь её росла к морю с геометрической прогрессией.

В тесной рубке «Сокола» мы развернули карту низовьев Дона. По карте было видно, что дельта представляет собой треугольник, и длина её от песчаной

отмели до моря составляла примерно километров тридцать, и чуть меньшей была ширина между крайними рукавами... Будто перед встречей, Дон от Ростова протягивал морю широкую могучую ладонь. Почти всё, что умещалось на этой донской ладони, было уникальным – природа, занятия живущих здесь людей, памятники истории. И даже стихии воды и ветра проявляли здесь свою деятельность по особому. Когда наш «Сокол» подошёл к причалу хутора Рогожкино – это почти в центре донской дельты, – мы увидели волны, плескавшиеся у дверей магазина «Продукты», лодки, качавшиеся у самого крыльца конторы рогожкинской рыбинспекции. День был будничным, рабочим, – во дворе магазина разгружали фургон с товаром, в здании рогожкинского сельсовета заканчивался ремонт, молодой парень прыгнул в одну из лодок, завёл мотор, и лёгкая «казанка» резво помчалась среди волн...

Хутор Рогожкино расположился у развилки двух самых полноводных рукавов – Каланчи и Большой Кутерьмы. Пространство, застроенное домами, обширно – масштабы не хуторские, – улицы вытянулись километра на три. Будто старые корабельные цепи сложили на берегу: ближе к воде – тесно: звенья домов в ряд, подальше – небрежно, как придётся.

Причал Рогожкинский на протоке Большая Кутерьма. Протока столь широка, что представить в дельте другую реку, такую же полноводную, трудно – просто им не разминуться в сравнительно небольшом пространстве дельты. Но это не так – в морской залив Дон выходит не только главным руслом и Кутерьмой, есть ещё Мёртвый Донец, Лагутник, Егурча, Каланчинские протоки.

Странное название – Большая Кутерьма. Как будто в обиду брошенная реке кличка, и не совсем соответствует первому впечатлению. Но, видно, имя реке давали не по первому впечатлению – стоит взглянуть на карту, как тотчас убеждаешься, что имя выбрано не по одежке, а по нраву: прежде чем коснуться берегов Таганрогского залива, петляет рукав по всему пространству дельты, как захмелевший казак в степи. Дельта – жемчужина Дона, тысячелетиями здесь в створках берегов наращивалась эта земля.

Когда-то всё это пространство рек, островов и неба называлось одним именем – Танаис. Прекрасное имя, древнее, загадочное, как сама земля, соимённая с рекой.

Но почему история начинается с реки? Потому, что река была первой дорогой по незнакомой земле. Сюда, в дельту, устремлялись корабли, и мореходы были уверены, что найдут здесь поселения людей, товары для обмена, услышат удивительные истории.

О современном Доне мы знаем множество фактов. В биографии о нём – книги, написанные писателями, поэтами, географами, геологами, историками: трудно перечислить профессии, в спектре интересов которых знаменитая река.

Но если по ступенькам этих книг спуститься к самым истокам знаний о Доне, к самым первым страницам, на которых написано имя реки? Как далеко в древность приведут эти ступени? Кем написаны они, с какой целью? Написал ли их очевидец или, преломившись тысячекратно в рассказах разных людей, это имя попало в летопись уже строкой легенды, интересной для ребёнка, но ничего не значащей для строгого историка?

Почему изменилось имя? Ведь это не маленькая речушка в глухой степи, которую открывают не раз и ввиду малости даже не отмечают на карте.

У самых истоков знаний о Доне всего несколько имён и небольшие фрагменты сочинений. Собранные под одной обложкой, они не составили бы и книги; но эти страницы вошли в историю человеческой культуры вместе с самыми первыми сведениями о мире нашей планеты, и в формировании представлений об образе земли они играли далеко не второстепенную роль.

Рассказы о реках Скифии поражали воображение. Впечатлениями о них пестрят древние сочинения. *«Эта страна Скифия не имеет достопримечательностей, кроме рек»*, - пишет один из ранних античных писателей.

Возможно, уже Гомер знал имена скифских рек. Ведь в *«безотрадной обители»* киммерийцев шумно бегут *«страшные реки, потоки великие»*. В XII веке византийский комментатор *«Одиссеи»* напишет, что свобода мифического творчества заставила Гомера перенести в Аид *«находившиеся на земле и известные в истории реки»*. Но поэт не называет имени, и какую реку он имел в виду, рассказывая о *«потоках великих»*, по-видимому, уже не узнать никогда.

Через 800 лет после Гомера его современник по тысячелетию, *«отец географии»* Страбон, как будто решив оправдать поэта и в глазах своих предшественников, и перед потомками на все времена, напишет: *«Но за неупоминание местностей, не столь замечательных в тогдашнее время, кто станет упрекать поэта? Например, за реку Танаис, ничем иным не известную, кроме того, что она служит границей Европы и Азии. Тогдашние люди не называли ещё ни*

Азию, ни Европу особыми именами, и обитаемая земля ещё не делилась, таким образом, на три материка, ибо в противном случае он где-нибудь назвал бы их вследствие чрезвычайной важности такого деления... но так как материки ещё не были разделены, то и не было нужды в Танаисе и в упоминании о нём...»

Вернее не скажешь, поэтому ограничимся предположением, тем более, что после Гомера родословная нашей реки в истории и географии древности приобретает документальную ясность. Правда, здесь надо уточнить: документальная привязка касалась только низовьев – четвёртой части огромной реки. Идентификация остальных трёх четвертей современного русла на географической карте древности остаётся проблемой, и проблемой немаловажной для исторической науки, так как реки Скифии – важнейший ориентир в определении, где, какие земли занимали описанные античными авторами племена.

Сколь малой достоверностью в этом вопросе располагает наука, свидетельствуют неутихающие споры об отождествлении рек, названных античными авторами, с современными. Что касается Танаиса, то пока нет определённости в том, какую из рек в верхнем бассейне донских притоков античные авторы считали за Танаис.

Откроем самые первые страницы родословной. Имя Танаиса на эти страницы вписывают представители внешне не соприкасающихся видов деятельности, географ и поэт – Гекатей и Эсхил. Оба современники, жившие в конце VI – V веков до н. э.

Географ Гекатей – из города Милета. В своём сочинении «Землеописание», оспаривая мнение неизвестного нам оппонента о путях аргонавтов, он пи-

шет, что аргонавты, возвращаясь из Колхиды, «плыли не по Танаису», а шли через море прежним путём.

Эсхил в драме «Прометей прикованный», называет Танаис потоком, границей двух материков.

Жрица Ио, возлюбленная Зевса, превращена в корову. Тщетно пытается она скрыться от чудовищного овода, посланного ревнивой Герой, чтоб не дать ей покоя. «В скитаньях нескончаемых по воле Геры гневной», Ио мчится с одного материка на другой. Встретив Прометея, прикованного к горам Кавказа, она молит его открыть, долго ли продлятся её муки и какой путь назначен ей судьбой.

«Впивай душою, чтоб конец пути узнать, - рассказывает ей титан, - отсюда ты сначала, на восток свернув, ступай вперёд по землям нераспаханным к кочевьям скифам, что в плетёных коробах высоких, на колёсах, с дальнострельными не расставаясь луками, привыкли жить». И далее: «Поток у кромки двух материков проплыв, к восходу солнца, на восток пылающий, ступай от моря шумного...» Это о Танаисе.

Так словами Прометея, обращёнными к несчастной Ио, письменно закрепляется ко времени Эсхила, по видимому, уже ставшая традиционной мысль о том, что Танаис разделяет два материка – Европу и Азию.

В комментариях древних авторов к поэме о Прометее эти строки расшифровываются так: «Тогда говорит Прометей (обращаясь к Ио. – **Прим. авт.**): запечатлей в своих мыслях своё многократное, идущее многими извилинами странствие, когда переправишься через реку Танаис... Ибо эту реку называет границей материков, Европу от Азии, протекая посередине, разделяет Танаис».

Танаис у Эсхила и Гекатея – как первый эскиз будущей картины. В текучей незавершённости смутных предположений уже проступают основные линии темы реки Танаис и её имена: Поток, Сын Океана, Граница материков, Река амазонок, Скифская река. Так, дав ребёнку при рождении имя, мы производим от него десятки вариантов, и если б в паспортах отмечались все имена, которыми мы отмечаем этапы его взросления, то в день совершеннолетия сына или дочери им бы вручались пухлые тома...

Уже в наброске поэта река выделена из множества других известных рек. Ещё нет подробностей, но содержательная цельность образа реки уже налицо, причём обозначенная настолько ярко, что и через столетия, когда речь будет идти о Танаисе, эти образы из словарного обихода поэзии будут применять так, как будто они составляют неотъемлемую часть имени Танаис.

Образ реки сформировался. С этим диапазоном характеристик река войдёт в историю культуры и науки. Они индивидуальны и ярки настолько, что в последующем многие, писавшие о реке, упоминая о них, даже не будут считать необходимым называть реку по имени.

Мы как-то вскользь упомянули об аргонавтах в связи с Танаисом. Мифологический цикл об отважных путешественниках за золотым руном сложился раньше эпоса об Одиссее, и Танаис в нём прозвучал далеко не второстепенным географическим пунктом.

Обратный путь аргонавты прошли вдалеке от освоенного маршрута. Дело в том, что царь Колхиды заблокировал своим флотом выход из Понта – Боспорские проливы, и аргонавты с золотым руном, избегая опасной встречи с разгневанными колхами, двину-

лись на север от Колхиды. В античной литературе оживлённо дискутировался вопрос о дороге, которой они возвращались домой. Одна из версий связывает обратный маршрут аргонавтов с Танаисом. Среди авторов древности, сторонников этого варианта, есть и поэты, и географы, и историки. В кратком землеописании Скимна Хиосского, жившего в III веке н. э., рассказывается, что аргонавты *«рекой Танаисом проплыли в великое море»*, а затем, пристав к материку, несли корабль на кольях по степи, пока не добрались до Эгейского моря.

Современному читателю эти споры могут показаться беспредметными: ведь речь шла о легенде. Но это не так. Привлекались источники, свидетельства моряков и путешественников, в этих спорах кристаллизовался прекрасный миф и уточнялась география известного мира. Вот в качестве примера небольшая цитата из комментариев к *«Аргонавтике»* Аполлония Родосского – уникального памятника литературы III века до н. э. – наиболее полно повествующих о приключениях аргонавтов: *«Гесиод говорит, что аргонавты проплыли по Фасису (река Риони в Грузии); а Гекатей, опровергая его, рассказывает, что Фасис не впадает в море и что они плыли не по Танаису, а тем самым путём, которым шли и прежде, как рассказывает Софокл в «Скифах»*. В спорах оттачивалась истина и оформлялась легенда, поэзия и наука утоляли жажду из одного источника. И так же, как и в странствиях Одиссея, миф об аргонавтах, обобщая эпизоды плаваний по всем известным морям, знакомство со всеми известными тогда реками, отразил в одном из эпизодов, далеко не случайном, и плавание к дальнему глухому *«углу Меотиды»* – нижнему течению Танаиса.

В уточнении картины мира важным было определение истоков Танаиса – восточной границы Скифии, поэтому эта проблема столетиями стояла в эпицентре споров. О ней размышлял Гекатей. Ей посвящает страницы сочинений историк Геродот и географ Страбон, поэт Квинт Курций и философ Сенека, десятки греческих и римских авторов.

На старинных картах у истоков рек обычно изображали речных божеств в виде рогатых людей, возлежащих на холмах. Они держат в руках сосуд, из которого струится река. Это самые древние сказочные представления о началах рек, ставшие ко времени начертания первых карт живописным символом. По-видимому, эти образы – прямые потомки рогатых царь-змеев и зверей славянского фольклора. *«Когда этот зверь рогом поворотится, вскипают подземные ключи. Разрывая рогом мать сыру землю, рогатый змей даёт исток родникам и рекам».*

А вот ход рассуждений человека другого времени, римлянина Марка Витрувия, жившего в I веке до н. э. и прославившегося созданием фундаментального труда об архитектуре.

Земля неравномерно освещается солнцем. Южные районы под действием солнечного тепла выбрасывают влагу подобно тому, как и человеческое тело в жару выделяет испарения пота. Южные ветры и среди них самый сильный Австр дуют с солнечной стороны. Разгорячённые, они несутся из жарких стран, унося с собой накопившиеся массы влаги, чтобы затем пролить их у пределов северных стран. Свидетельство тому – истоки рек. Они на земной поверхности, как их изображают географические карты, исходом своим имеют север. *«В первую голову,*

например... в Азиатском Понте – Борисфен, Гипанис и Танаис...»

Но точнее Геродота об истоках Танаиса не скажет никто – ни те, кто рассказывает о реке до него, ни те, кто будет разыскивать истоки Танаиса после отца истории.

«Восьмая река страны Скифии – Танаис, которая течёт сверху, устремляясь из большого озера, впадает же ещё в большее озеро, называемое Меотийским, разделяющее царских скифов и савроматов».

Геродот, посетивший Скифию, по-видимому, знал от очевидцев, что на севере Скифии гор нет, поэтому истоками большинства скифских рек – Тираса, Гипаниса, Танаиса – он считал озёра. Может быть, он слышал рассказы об озёрах и болотах Белоруссии и Среднерусской равнины, и этим он объяснял поразившую его полноводность скифских рек.

После походов Александра Македонского проблема Танаиса запутывалась всё больше. Смутность представлений о географии скифских земель на севере выражалась в том, что исток реки искали в Рипейских горах (Урал), на Кавказе и даже на Памире.

Аристотель, например, убеждён, что Танаис отделяется от Аракса, который в свою очередь *«течёт с горы, называемой Парнасом»*. Так греки называли вершины Тянь-Шаня и Памира.

Страбон, размышляя над трудом предшественников, повторит уже ставшие классическими определения о Танаисе, разделяющем материки Европы и Азии. Но знает он о реке и народах, населяющих её берега, несравненно больше, чем предшественники, и пишет о реке много и охотно. Ведь к этому времени постоянные торговые связи между городами низовьев Та-

наиса и античным миром продолжают уже не одно столетие.

Рассказывая о реке, он назвал столько индивидуальных её особенностей, что можно подумать – списывал с натуры. Нет, географ не бывал здесь. Всё дело в скрупулёзной добросовестности учёного, поставившего целью собрать и записать наиболее достоверное, проверенное по разным источникам.

Страбон даёт точное расстояние между рукавами дельты: *«Два устья Танаиса отстоят одно от другого стадиев на 60»*. Пишет о городе: *«Есть здесь и город, соимённый реке, самое большое торжище варваров после Пантикапея»*. Он подробно рассказывает о городе, ставшем в наше время археологическим заповедником. Город – общее *«торговое место для азиатских и европейских кочевников и для приезжающих по озеру (Азовское море) из Боспора; первые доставляли рабов, шкуры и разные другие товары кочевников, а другие взамен привозили на судах платье, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни. Перед городом на расстоянии ста стадиев лежит остров Алопекия, имеющий смешанное население. Неподалёку от озера есть и другие островки. Танаис отстоит от устья Меотиды, если плыть прямо на север, на две тысячи стадиев, а если плыть вдоль берега, то выйдет немного больше»*. Под устьем Меотиды географ подразумевает нынешний Керченский пролив.

Географический указатель Страбона правилен, пока речь идёт об устье реки. Знание верховьев Танаиса по-прежнему неопределённо, полно противоречий и предположений. Хотя прошло несколько столетий, о них он знает не больше Геродота.

Начало же знаменитой реки остаётся для Страбона столь же загадочным, каким оно было и для его предшественников.

«Танаис течёт из северных стран», - большей точности у Страбона не встретить. «Устья Танаиса мы знаем – их два, в самой северной части Меотиды, - пишет он в другой главе своей «Географии», - а выше устьев известна лишь небольшая часть».

Он опровергает историка Полибия, жившего за 100 лет до него, который считал, что Танаис течёт *«от летнего востока»*. Ссылаясь на *«сведущих в географии этих стран»*, утверждает, что устье Танаиса – выход из Меотиды (Боспор Киммерийский) и русло реки *«лежат на одном и том же меридиане»*. Сейчас по любого масштаба карте можно убедиться, что это не так.

Географ перечисляет причины, по которым верховья остаются загадочными, повторяя традиционную со времён Гомера версию о холоде, *«который могут переносить кочевники, а пришельцы не выносят»*. Далее он пишет: *«Кроме того, кочевники... отличаясь численностью и силою, преграждают доступ даже в удобопроходимые части страны или по реке, где она допускает плавание вверх. По этой-то причине одни полагали, что Танаис берёт начало в Кавказских горах, и, поднявшись далеко на север, затем поворачивает назад и впадает в Меотиду, а другие – что он течёт от верхних частей Истра»*. Истр – это Дунай, западная граница кочевнического мира.

И всё же Страбон гораздо более точен, чем те, кто будет рассказывать о Танаисе после него: *«Сармат живёт в обширных лесах, Танаис, вытекая из них, далеко блуждает по варварским полям. Разлившись в скифские равнины, он кормит молодёжь немирных*

народов и потом впадает в солёное болото. Оба берега его зима поражает жестокими бурями, и холода держат его замерзшими. Он разграничивает Азию от Европы, низвергает его высокий Кавказ», - строки из сочинения римского поэта и прозаика Руфия Феста Авиена, жившего во второй половине IV века н. э.

«Там, где падает с Рифейских скал белый Танаис, несущийся с Гиперборейских гор, под осью Медведицы живёт племя, грозное духом и телом... Едва отнятый от груди матери ребёнок станет на ноги, тотчас звонконогий конь подставляет ему спину; можно подумать, что туловища лошадей сращены с мужскими – так крепко сидит вечно на коне всадник, как бы прикованный к нему», - писал Гай Сидоний, современник Авиена.

Эти сочинения красивы и интересны поэтической образностью, но к фактам с иронией отнёсся бы и Геродот, которого отделяет от римских писателей семь столетий.

С походов Александра Македонского в Среднюю Азию берёт начало полуфантастическая историко-географическая традиция, согласно которой греческие фаланги македонского завоевателя дошли до берегов Танаиса. Её подхватывают греческие учёные, настойчиво повторяют римские авторы, она перекочёвывает в средневековье и даже в новое время.

Заблуждения столь же поучительны, как и поиск истины. Давайте разберёмся. Вначале о фактах, предшествующих заблуждению.

Александр, сын Филиппа II Македонского, родился в гекатомбейоне (по македонскому календарю – конец июля) 356 года до н. э. Древнее предание гла-

сит, что он родился в ту ночь, когда Герострат сжёг храм Артемиды Эфесской – одно из семи чудес света; рождение Александра должно было, по легенде, возместить эту утрату. Воспитателем будущего полководца был Аристотель, прославленный философ и учёный, сумевший привить своему питомцу любовь к греческой культуре и понимание её, интерес к науке. Ахилл и Геракл стали для Александра идеальными образцами, которым он стремился следовать.

В 340 году юный Александр уже командует отрядом кавалерии, основывает первый свой город Александрополь. После смерти отца он готовит поход в Азию. Но чтобы обеспечить тылы, он выступает на север, переходит через Балканы, благодаря смелой и решительной тактике разбивает отряды трибаллов и гетов, угрожавших дунайской границе, усмиряет Грецию и на 160 кораблях весной 334 года переправляется через Геллеспонт в Малую Азию, бросая вызов великой Персидской державе. Через три года непрерывных сражений Персидская держава прекратила своё существование.

Честолюбивый полководец решил двинуться в отдалённые области Средней Азии, о которых у греков существовали самые смутные представления. Весной 329 года до н. э., перевалив через Гиндукуш, войска Александра вторглись в Бактрию и Согдиану, сильные и независимые государства Средней Азии, граничившие с областями кочевников, которые оказали им помощь против Александра. Несколько лет шла здесь тяжкая война, пока Александру всё же удалось овладеть Бактрийской столицей – Бактрой и столицей Согдианы Маракандой (недалеко от современного Самарканда).

Полководец, торопившийся объявить себя властелином мира, жаждал добраться до берегов Океана и получить подтверждение, что мир с востока очерчен острием его меча. На восточной границе Согдианы разноплеменное войско Александра вышло к реке, разделявшей земледельческие области Средней Азии и беспокойный мир кочевников. Греки были убеждены: перед ними река Танаис, а быстрые всадники на другом берегу – скифы. Ведь известно, – убеждают учёные полководца, – что скифы употребляют еловые стрелы, потому что ель произрастает только на европейском берегу Танаиса.

Но не только еловые древки скифских стрел причина заблуждений учёных спутников полководца. Когда македонские воины переправились через реку, они увидели высокие деревья, стволы которых были обвиты плющом. Новый аргумент, углубивший недоумение: ведь плющ считался растением, как и ель, предпочитавшим холод, и известно было, что он растёт только в Европе и прибрежной Азии. Значит, эта река – Танаис.

Александр *«из любви к преодолению трудностей»* переправился было через реку и двинулся в глубины скифских земель, но уже в первых стычках на бескрайних просторах степей он почувствовал тень той грозной, ускользающей, словно ртуть, и вновь появляющейся, будто из земли, силы, что за двести лет до него развеяла в причерноморских степях полчища персидского царя Дария. Та же тактика ведения войны, те же одеяния и тот же язык... Александр вернулся. На берегу реки его воины построили город, окружив стеной всё пространство, занятое лагерьем. Это была Александрия-Дальняя у крайних пределов согдиан, не уступающая по величине другим

Александриям, сооружённым там, где проходили с победами фаланги македонского завоевателя. Современный Ленинабад (ныне – Худжанд. – **Прим. ред.**) на берегу Сырдарьи стоит на остатках этого города.

Было ли это заблуждением сознательным, с расчётом на то, чтобы объявить миру о достигнутой цели – выходе к рубежам Ойкумены, символом которых с востока считался Танаис, и таким образом, не признаваясь в бессилии, выбраться из охваченной восстаниями Согдианы, или же греки искренне заблуждались? Сложный вопрос, и ответа на него пока нет.

«Присочинено много ложного из-за честолюбия Александра», - считает Страбон. Так как известно, что Танаис разделяет Европу и Азию, а за Каспийским морем расстилаются огромные пространства земель, составляющих значительную часть азиатского материка, было признано (*«по крайней мере, по народной молве»*), - не без иронии замечает Страбон, что Александр овладел и этими землями. Причина в том, рассуждает географ, что *«Меотийское озеро, принимающее в себя Танаис, и Каспийское море соединяли в одно целое»*, считая, что *«оба они сливаются друг с другом и одно составляет часть другого»*.

Страбон вносит ясность, разделяя моря и определяя вслед за Геродотом исток Танаиса где-то на севере. Казалось бы, знаменитый географ окончательно выпутывает Танаис из биографии великого полководца. Но муза истории Клио не признала доказательный аргумент Страбона, и эстафета историко-географической ошибки пошла передаваться от одной эпохи к другой, вкрапляя по всей всемирной литературе фантазии и легенды вокруг *«танаисского»* маршрута Александра Македонского.

Эхо легенды докатилось и до нового времени. В начале XVIII века обратили внимание на россыпи мамонтовых костей в районе палеолитических стоянок Верхнего Дона. Пётр I, часто бывавший в этих местах, заинтересовался необычными находками. Местные жители рассказывали, что некогда жил на земле огромный четвероногий зверь по названию индер. Однажды он решил перейти Дон. Но так как боялся, что идущие следом за ним детёныши его могут потонуть, решил выпить Дон. Начал пить, и река уменьшилась до ручейка. Стал было зверь переходить, обернулся, чтобы позвать детёнышей, и от натуги лопнул. А кости его разлетелись.

Пётр I распорядился отправить несколько образцов костей в Кунсткамеру и дал иное объяснение находкам, высказав предположение, что эти кости принадлежали боевым слонам армии Александра Македонского, завязнувших на просторах Скифии.

Нельзя сказать, что мнение Петра I было наивным. Наука археологии ещё не родилась, и ещё ничего не было известно о мамонтах. Он не ошибся в главном: находки в Костянках действительно аналогичны слоновым костям.

В античной литературе имя Дона – Танаис. Так называют реку Геродот, Страбон, Аристотель, Овидий, Сенека – другого имени не знают ни греческие, ни римские авторы. Казалось бы, вполне естественным было ожидать, что и в новое время река войдёт с тем же именем, закреплённым полуторатысячелетней традицией в литературе, географии, истории. Но этого не произошло.

В названии «Танаис» можно обнаружить несколько хронологических и языковых прослоек, и как в

структуре минерала прослеживаются составляющие его компоненты, так и имя по этим слоям поддаётся расшифровке.

Несмотря на звуковое различие, Танаис и Дон, как сказал бы современный лингвист, синонимы – слова с одинаковым смыслом.

Имя реки восходит к скифскому слову «дану», «дан», известному в таком памятнике древнеиранской письменности, как «Авеста», и многих других и переводимому как «река». В современном осетинском языке, наиболее близком к языку скифо-сарматских племён, это слово с тем же значением – «река», «вода» – живёт и сейчас. В Осетии, например, текут реки Гизельдон – красная река, Ардон – вода-вода. В Кемеровской области слово «дон» входит в имена более чем сотни рек: Арадон, Тайдон и другие. Таким образом «дон» – гидронимическое название и в таком качестве может входить в имена мало похожих друг на друга объектов – реки, озера, бухты, залива и характеризовать наличие в них воды. Но район распространения «дона» очерчивается границами обитания скифо-сарматских племён и их потомков алан.

Таким образом, греки воспользовались местным скифским именем, переозвучив его на греческий – Танаис.

Так же адаптировались греками и местные наименования других скифских рек, как и имя Дон, связанных с древней основой – «дан». В основе имени Днепр лежит более древнее скифское «Дан-апр» – река глубокая. В позднеантичных и византийских летописях её называют Данастрис или Данастер.

Имена рек рождались из нарицательных определений воды, реки, к которым добавлялась какая-

нибудь особенность, характерная именно для этой реки, – глубокая, широкая, быстрая, – или же нарицательное определение приобретало со временем различную звуковую окраску.

Имя Дон сохранялось в устной традиции с глубочайшей древности, возможно, с IX – VIII веков до н. э., со времени прихода скифов в Северное Причерноморье, а может быть, и ещё ранее, учитывая родственность киммерийцев и скифов.

И вот что поразительно: несмотря на устойчивую полуторатысячелетнюю традицию наименования реки Танаисом, традицию, переживавшую в средневековье – на первых картах Европы Дон подписывается Танаисом, – несмотря на это, определяющей стала устная традиция, и реку стали называть Доном. С этим звонким колокольным именем река вошла в первую русскую летопись – *«Повесть временных лет»*, в гениальное *«Слово о полку игореве»*, в отечественную историю. Сегодня мы произносим имя реки так, как звучало оно у скифов в VIII веке до н. э., у сарматов во II веке до н. э., у алан в V веке н. э., у славян времён Киевской Руси.

В 1913 году казаки хутора Недвиговки, выбирая камень из стен древнего городища Танаиса на окраине хутора, нашли мраморную стелу. Казаки знали, что за необычные находки можно получить хорошие деньги. Стелу не бросили на подводу, отвозившую камень к баржам на берегу Мёртвого Донца, а отправили в Новочеркасск. С тех пор она в экспозиции Музея Донского казачества. Стела небольшой высоты – около 74 см, и в ширину чуть более 20 см. В верхней части – рельеф: всадник на коне перед алтарём с пылающим огнём, за алтарём дерево. У всадника длинные волосы и борода, в правой руке

ритон – атрибут власти. Под рельефом 25 строк текста на греческом языке. *«В царствование царя Тиберия Савромата, друга Цезаря и друга римлян, благочестивого, в год 401, справляющие день Танаиса в месяце Апеллее, во главе со жрецом Зеноном, сыном Эрата, синагогом Гаем, сыном Харитона, филогатом Никостратом, сыном Никострата и парафилогатом Евпором, сыном Макара...»*, – далее в тексте перечисляются рядовые участники религиозного союза, празднующие *«день Танаиса»*.

401 год боспорской эры – это 104 год нашей эры. Месяц Апеллей приходится на летний период: конец июля – начало августа. Торжественно отмечающийся день посвящён богу реки Танаису – сыну Океана и титаниды Тефис.

Мраморная стела из городища Танаис в устье Дона – памятник редкостный и уникальный. С этой стелы можно вести документальный отчёт знаменательному событию, которое можно назвать праздником реки.

БЫЛ ЛИ ОДИССЕЙ НА ДОНУ?

**Через негостеприимное море.
Киммерийцы – народ легенды?
Народ истории?
Легенды и мифы.**

Казалось бы, такая постановка вопроса бессмысленна. Ведь ещё со школьной скамьи общеизвестна легендарная, сказочная канва приключений знаменитого героя.

Остров сладкопеньем пленительный страшных сирен, шестиголовое чудовище жадное с визгом пронзительным Скилла и свирепая, с зевом ужасным Ха-

рибда, чудесные быки Гелиоса, волшебное зелье Кирки, людоед беспощадный циклоп Полифем – всё это кажется таким далёким от строгой академической науки, что часть читателей, пробежав глазами название главы, может на этих страницах захлопнуть книгу.

Но давайте не будем торопиться.

Попробуем вместе с Одиссеем и его спутниками пройти часть маршрута, о котором повествуется в десятой и одиннадцатой песнях поэмы.

Преследуемый мстительным Посейдоном, после скитаний по безбрежному морю Одиссей, потеряв большую часть товарищей своих, на единственном оставшемся целым корабле достигает острова Эи. Владеет островом Кирка – сладкоречивая, светлокудрая богиня, дочь Гелиоса. *«К берегу крутому пристав с кораблём, потаённо вошли мы в тихую пристань»*.

Выйдя на берег, Одиссей разделяет спутников на два отряда и по жребию, вынужденному из медью окованного шлема, в разведку отправляется отряд, возглавляемый Эврилохом, – *«твёрдого сердцем вождя»*. Недалеко ушли они от корабля и увидели вскоре дом волшебницы Кирки. Сложенный из тщательно отёсанных камней, стоял он на открытой равнине. Ручные густогривые львы и волки бродили у дома. Встретила путников хозяйка острова. Очарованные голосом звонкоприятным богини, забыв осторожность, входят они в дом. Ласково угощает их богиня сыром и мёдом и светлым вином. Пьют они, не ведая, что коварная Кирка подмешала в чаши волшебного зелья. И забыли мореходы за обильным столом родину и близких, забыли об оставшихся на берегу товарищах. Лишившись памяти, превратились

они в животных – *«каждый с пятнистой кожей, с свиною мордой и с хрюком свиным»*. Только один Эврилох спасся, вернувшись к кораблю, умоляя Одиссея покинуть остров.

В который раз испытывает судьбу Одиссей...

Зачем спорить с мойрами – неумолимыми богинями судьбы?

Ведь всё predetermined: целый штат олимпийцев ведает, чтобы не нарушались веления рока в жизни человека. Но Одиссей бросает вызов судьбе, а значит, и богам. Даже Зевс на *«собрании богов»* разводит руками: *«Странно, как смертные люди за всё нас, богов, обвиняют! Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?»*

Схватив меч и лук, отправляется Одиссей к Кирке. Вблизи от дома волшебницы заступает ему путь Гермес – вечно юный посланец богов, покровитель путешественников и мореходов. Он научил Одиссея, как уберечься от чар прекрасной богини, вручил ему волшебную траву, что поможет сохранить память. Всё исполнил Одиссей по совету Гермеса, уберёгся сам и выручил спутников. Целый год беззаботно провели они на острове волшебницы, пока тоска по отчизне не сокрушила их сердца и позвала в дорогу. Не могут они забыть Родину на счастливом острове любви. В путь, в путь, домой – несмотря на изобилие благ в настоящем и мрачные предсказания на будущее.

Готова отпустить их богиня, но прежде должен Одиссей, *«с пути уклоняся»*, проникнуть в область Аида, в царство мёртвых, чтобы спросить о своей судьбе душу Тиресия Фивского – *«пророка, слепца, обладавшего разумом зорким»*.

Судя по недолгим сборам, царство Аида – где-то совсем рядом с островом Кирки. Спокойно плыл корабль Одиссея: *«повинуясь кормилу и ветру, были весь день паруса путеводным дыханием полны»*. Всего день пути, и вот уже подошли *«к глубокотекущим водам Океана»*.

*Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков;*

никогда не являет

*Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль
Он покидает, всходя над звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного, сходит,*

к земле обращаясь;

Ночь безотрадная там искони окружает живущих.

Пройдёт десять столетий. Мир античности неузнаваемо изменится – иными станут обычаи, язык, границы государств. И другой знаменитый поэт, Публий Вергилий Марон, автор *«Энеиды»*, повествуя о Скифии, по-прежнему далёкой и загадочной, напишет, почти повторив Гомера: *«Там вечная зима, вечно дуют холодные ветры. Там солнце никогда не рассеивает бледных теней – ни тогда, когда на своих конях поднимается высоко в эфир, ни тогда, когда омывает красной водой Океана круто спустившуюся колесницу...»*

Будто эхо с другой границы тысячелетия!

Как в створках раковины вокруг песчинки кристаллизуется жемчуг, так рождению легенды предшествует исторический факт. Гомер сохранил имя древнего народа на территории нашей страны. Лишь несколько строк, как слабая вспышка в бездне прошлого, но уже и по ней можно представить глубину –

VIII век до н. э. Очень приблизительная дата, как и всё у Гомера, когда речь идёт о хронологии или географии событий. Ведь внешне единая система образов поэмы вобрала в себя черты нескольких исторических и художественных эпох.

Археологи и лингвисты отождествляют со страной киммерийцев обширный район северопричерноморских и приазовских степей, и мы ещё расскажем о судьбе загадочного народа, но то, что Гомер, поведав об *«области киммериян»*, имел в виду южные районы нашей Родины – это бесспорно.

Но почему страна киммерийцев – *«печальная область, вечно покрытая влажным туманом и мглой облаков»*? Уж не о северном ли полюсе идёт речь? *«Никогда не являет оку людей там лица лучезарного Гелиос»*. Этот поэтический эпитет скорее применим к приполярным областям с их долгой зимней ночью. При чём же здесь Причерноморье?

Но какой же должна была казаться эта земля греку, выдавшему снег только на вершинах гор? Всю жизнь он плавал в тёплых морях, обнимавших зелёные берега его Родины, где каждый камень казался горячей плотью живого существа. Он не знал долгих холодов заснеженных полей, облачного низкого неба, стремительных метелей, стирающих границы между небом, землёй и морем. Ужас охватывал сердце, и казалось, что боги собрали в природе, положив предел, недоступный для человеческого мужества, любопытства, предприимчивости.

Эти страницы я пишу в заповеднике *«Танаис»* холодным декабрьским днём 1984 года. Низкое небо поддерживается только чёрными ветками озябших деревьев. Вторую неделю мороз крепко вцепился в 14-градусную отметку термометра, а по ночам, будто

сорвавшись с каких-то сдерживающих его днём цепей, придавливает ртутный столбик до 20 градусов, перезванивает в саду оледеневшими ветками и буйно грохочет с ветром по крышам.

Несколько дней назад надоевший ветер внёс разнообразие – с белёсого неба посыпалась крупа, как горох по железу, шумела в кронах деревьев, по замёрзшей земле, вслед потянул снег, мелкий, колючий. Даже не с неба, а откуда-то сбоку, из-за домов, с дельты, из оборонительного рва, со стороны моря, будто ветер перетирал в снег лёд с залива и рек, заполненных им вровень с берегами. К утру причудливыми сугробами распределил ветер снег на усадьбе заповедника – у здания фондов острым хребтом насыпал заслон, перед музеем вымел всё начисто до жёлтой тирсы, в экспедиционном лагере, расположенном в низине, казалось бы, недоступной для ветра, намёл большие сугробы.

Утром бледный рассвет едва набирает силы, кажется, будто рождается он не от сумрачного неба, а от снега, но этих сил всё-таки хватает, чтобы наполнить цветом небо, заросли жёлтого камыша на берегу, камни древних строений на городище.

И представьте себе чужестранца, несчастным случаем занесённого сюда в том далёком времени юности человеческой цивилизации. Для него эта земля – растерзанный бурей корабль на берегу, и полноводные невиданные им прежде реки... Разве может земля давать исток таким рекам? Они давно иссушили бы её, поэтому он убеждён, что питает реки Океан, опоясывающий Ойкумену... А степь так огромна и загадочна! Наверно, боги Олимпа ещё не добрались сюда, чтобы очистить её от чудовищ и призраков. И

только знакомый блеск созвездий вселяет надежду, что он ещё на земле, а не в обители страшного Аида.

«...Здесь всё ужасает живущего, - повествуется в поэме. - Шумно бегут здесь страшные реки, потоки великие; здесь Океана воды глубокие льются; никто переплыть их не может сам; то одним кораблям крепкозданным возможно...»

И всё же географические и климатические особенности страны на краю Ойкумены Гомер, по видимому, понимал с большим рационализмом, нежели поведал о них в поэме. Но это и понятно: ведь «Одиссея» – поэтический документ человеческой мысли, открывавшей мир, а не пособие по узкой отрасли знаний.

Бесспорно, что ещё до оснований в VII – VI веках до н. э. греческих поселений в Причерноморье, греки уже имели некоторые знания об этом районе. Корабли их эпизодически заходили в устья рек и пересекали Меотиду – Азовское море. Это были отчаянные, редкие плавания кораблей самых отважных или случайно занесённых на северные берега незнакомого моря. Такие случаи, конечно же, обрастали самыми фантастическими подробностями.

Герой поэмы Одиссей действует на пересечении нескольких эпох. Географию и события путешествий питает несколько столетий открытий, заблуждений, неудач и побед многих моряков, торговцев, путешественников, пиратов, авантюристов, учёных. Наверное, поэтому так противоречив и образ главного героя – всеми страстями обуреваем Одиссей: смел и отважен, беспомощен и наивен, безбожник и истовый верующий, хитёр и беспощаден, завистлив и щедр, доверчив и жаден. Как будто воплотил он ха-

рактеры всех тех безымянных и таких разных людей, но похожих друг на друга только одним – стремлением преодолеть рубеж предшественников на окраинах Вселенной.

На востоке пределом мира были Чёрное и Азовское моря и легендарная киммерийская земля. Эти моря не сравнить с родным грекам Эгейским морем. Они казались более холодными и бурными, в них не было многочисленных островов с удобными бухтами, где можно было бы переждать непогоду. Для мореплавателя в широтах Кипра и Крита горизонт никогда не бывал пустынным – мыс или остров, как дерево или курган в степи, неизменными ориентирами отмечали кормчему пройденный путь и оставшееся расстояние до цели. На Чёрном же море только тёмной безоблачной ночью взгляд мог привязать курс корабля к путеводной звезде неба, а днём оставалось стараться не потерять из виду берег незнакомой земли, да уповать на то, что боги далёкого Олимпа, может быть, имеют власть и над этим чужим краем.

В сумерки, заходя в бухты или вытащив суда на песок, всю ночь жгли костры, расставив дозорных, вслушиваясь в ночную тишину неведомых берегов. Никто в древности не дерзал выходить в открытое море и плавать по Эвксинскому Понту, ни вдоль Лидии, Сирии или Киликии – рассказывает географ Эратосфен, живший в III веке до н. э. и воспринимавший события времён Гомера как глубокую древность.

По берегам моря жили незнакомые племена, говорившие на непонятном языке, и греки называли их варварами, то есть людьми, не знающими греческого языка, – таков буквальный смысл слова.

Древнейшее имя Чёрного моря – Понто́с Аксино́с, то есть море негостеприимное, чаще называли просто Понто́с (Понт).

Страбон, увидевший мир вдвое больший, чем Гомер, напишет в I веке: *«...в гомеровскую эпоху Понтийское море вообще представляли как бы вторым Океаном и думали, что плавающие в нём настолько далеко вышли за пределы обитаемой земли, как и те, кто путешествует далеко за Геракловыми столпами. Ведь Понтийское море считалось самым большим из всех морей в нашей части обитаемого мира, поэтому преимущественно ему давалось особое имя «Понт», подобно тому, как Гомера называли просто Поэтом».*

«О людях, что плавали в Понтийском море, говорят, что они прибыли из «многого понта», что равносильно выражению «из погибели», - пишет один из писателей древности.

В драме греческого трагика Эврипида *«Ифигения в Тавриде»* дочь Агамемнона, перенесённая волею Артемиды на край Ойкумены, жалуется на судьбу: *«Ныне же я чужестранкой живу в бесплодных жилищах негостеприимного Понта».*

В памяти народа проход через узкие проливы в Чёрное море запечатлелся как подвиг. В повествовании о приключениях аргонавтов это один из драматических эпизодов. У входа в Понт Эвксинский аргонавтов встречают страшные Симплегады – сталкивающиеся скалы.

Симплегады отождествляются со скалистыми берегами пролива Босфор у мыса Румели на европейском берегу и мыса Анадалу на азиатском.

Здесь самое узкое место пролива, во время штормов оно превращалось в могилу для кораблей.

*Чёрные скалы вы узрите при моря теснинах,
Между которых никто не мог проскользнуть
безопасно.*

*Ибо внизу не на прочных конях они утвердились,
Но то и дело одна другой навстречу стремится;
Так и сшибаются две, а вокруг вздымаются волны,
Страшно кипя, и раскатом глухой отзывается берег.*

Симплегады – это ворота в Понт, в море мрака. Для осторожного – они предел, закрыты наглухо; для отважного они – экзамен на неустрашимость, испытание мореходного опыта и прочности корабля.

Хладнокровием и умом аргонавты сумели «обезопасить» пролив. Один из них, Эйфем, сын Посейдона, выпустил голубя. Быстрее, чем порывы тяжкошумящих ветров, со страшным грохотом столкнулись скалы, но сумел вырваться из просвета голубь, лишившись лишь нескольких перьев хвоста. Налегли аргонавты на вёсла, расходятся вновь страшные скалы, вспенивая огромные волны. Успел проскочить между ними «Арго», лишь кормовое весло раздроблено ударом. С тех пор, разойдясь, Симплегады остановились навсегда. Прорыв «Арго» в Чёрном море стал символом того, что новые пределы земли отодвинуты далее к востоку, к землям Скифии, горам Кавказа, к Каспийскому морю. Будто оберегая от забвения подвиг аргонавтов, благодарной человеческой памятью корабль «Арго» с моря, по которому пробежал он первым, был вознесён на небо; в чистые ночи он хорошо виден: созвездие корабля плывёт у самого горизонта, будто всякий раз для нового поколения легендарный «Арго» повторяет свой давний путь.

Но ещё долго как отголоски первых открытий, ставших легендой, мореплаватели и купцы, поэты и

историки из поколения в поколение будут передавать рассказы о *«гибельном устье снежного Понта»*.

Поздние античные авторы места похождения Одиссея попытаются соотнести с конкретными географическими пунктами на карте. На рубеже нашей эры знаменитый автор *«Географии»* Страбон, соотечественник поэта, через семьсот лет после создания гомеровских поэм писал о точности и правдивости Гомера как географа, считая его основоположником этой науки. Как поэт Гомер волен придумывать всё, что хочет, чтобы быть интересным читателю: ведь такова особенность поэтического творчества. *«Все эти рассказы мы не должны строго критиковать и отбрасывать как не имеющие корней и опоры в местной традиции, как вовсе не притязающие на истинность и на пользу как история»*, - убеждён Страбон.

И в сказочной форме *«муж многогласный и многоучёный»* правдиво рассказывает об известном ему мире. В своих путешествиях Страбон сравнивает ландшафт очертания берегов с описаниями островов в *«Одиссее»*: *«Нельзя допускать, чтобы в чём-то наши суждения противоречили суждениям поэта, принятым на веру»*.

«Будешь ли ты доискиваться, где блуждал Одиссей?.. Носило ли его между Италией и Сицилией или за пределами известного нам мира? Не мог он на таком пространстве скитаться так долго!» - в этом убеждён Сенека, современник Страбона. Мир гомеровского эпоса был для него, философа и драматурга, тесен. Чутьё философа вернее логики географа – географических ориентиров нет в поэме. Но, по видимому, поэт и не ставил это своей задачей.

Известная Гомеру Вселенная воссоздаётся как мифологическое, художественное пространство вне си-

стемы точных географических ориентиров. Маршрут Одиссея разворачивается по всей территории известного в ту пору мира, а энциклопедический характер повествования включает в себя множество фактов, событий имён людей и богов, характер их взаимоотношений, стирая все границы между прошлым и будущим.

Одиссей за десять лет скитаний побывал во всех известных уголках Ойкумены. Как по нечёткой фотографии можно спорить о деталях, но общие контуры уже бесспорны, и маршрут Одиссея можно соотнести с определёнными географическими ориентирами.

В каком месте причалил свой корабль Одиссей? Был ли это пологий песчаный берег азовских кос или крутые откосы Миусского полуострова, или вошёл он в лабиринты донской дельты... Не суть существенно, в общем, – отнести ли первый контакт двух народов к тому или иному месту береговой черты. Важно другое – что где-то здесь произошёл этот контакт, и раз начавшись, он уже по нарастающей продолжался, охватывая постепенно все сферы интересов обоих народов. Торговля и поэзия, ремесло и искусство, религия и быт – всё переплавлялось в этом горниле, создавая сплавы удивительные, с неожиданными свойствами и качеством, распространяясь в культуру многих народов. Как стрела, выпущенная из лука Аполлона, уже не прерывая полёта, облетает всю землю...

Можно ли определить маршруты кораблей из Меотиды и Понта Эвксинского в Грецию и время их пути? Десятилетние скитания Одиссея не в счёт – здесь опыт нескольких столетий. Такие данные мы находим у античных авторов уже после Геродота. Вот Диодор Сицилийский, уроженец города Агирия,

сам совершивший несколько больших путешествий во второй половине I века до н. э. В одной из глав своей книги, посвящённых истории Северного Причерноморья, он, удивляясь тому, насколько странен и необычен климат и образ жизни людей в разных странах, пишет, что *«столь огромные различия разделяются не очень большим расстоянием одного места от другого»*. И приводит пример: *«...от Меотийского озера, у которого обитают скифы, живущие среди мороза и чрезмерных холодов, многие мореплаватели на нагруженных кораблях при попутном ветре на десятый день достигают Родоса, из которого на четвёртый день приезжают в Александрию (Египет), а оттуда многие плывущие по Нилу на десятый день приезжают в Эфиопию. Таким образом, от охлаждённых частей Вселенной до самых жарких частей не более двадцати четырёх дней плавания для тех, кто совершает его непрерывно»*.

Историка поражает разнообразие жизни, о плавании по Чёрному и Азовскому морям он пишет как о деле, в его время привычном, обыденном. Здесь требуется только уточнение: у Диодора речь идёт о кратчайшем пути от мыса Карамбис на южном берегу Чёрного моря к его северным берегам через открытое море. Самые же ранние свидетельства о таких переходах наперерез когда-то страшного и опасного моря относятся примерно к концу V века до н. э. Развитие техники кораблестроения и искусства мореходства, а главное, новые знания об Ойкумене, давали возможность проводить через открытое море целые караваны тяжело гружёных судов. К этому времени оформился популярный жанр античной географической литературы, называвшийся периплом. Буквальный перевод слова – *«плавание вокруг»*.

В основу этих сочинений положен принцип последовательного перечисления всех важнейших пунктов, которые могут встретиться на пути корабля: город, удобная бухта для стоянки, заметный для ориентира мыс, устье реки, народы, жившие на побережье, указывались расстояния. Современный штурман назвал бы эти сочинения лоциями. Внешне скуповатые (сжатый, сухой текст без авторского отношения к примечательным местам, формулировки типа: отплыл из такого-то города, через такое-то время прибыл туда-то), они составляли практическую морскую энциклопедию древности.

Время создания «Одиссеи» – примерно IX – VIII век до н. э. С большой точностью определить пока дату невозможно.

Упоминание Гомером народа киммерийцев – один из важных доводов в давних спорах о нижней дате создания поэмы. Мы уже говорили, поэт не связывает киммерийцев с сюжетом поэмы, а упоминает об их стране только для того, чтобы привязать географический край света, сориентировать читателя на местонахождение царства Аида.

Далёкая земля для него скорее символ, которым он пользуется для создания поэтического образа – царства теней. Значит, нижняя дата поэмы – середина VIII века до н. э., потому что со второй половины этого столетия киммерийцы со степей Приазовья начинают стремительное движение на юг, через Кавказ в Малую Азию, и уже к концу века имя этих племён наводит страх на народы Древнего Востока. Уж в это время никто бы не поверил поэту, что киммерийцы – далеко заброшенное племя.

Киммерийцы упоминаются в Библии среди потомков легендарного Ноя, уцелевшего во время всемирного потопа. Пророк Исайя возвещает о киммерийцах – «*народе дальнем*», который явится «*от края земли*»:

«Не будет в нём ни изнемогающего, ни утомлённого; он не будет дремать и не будет спать; пояс не снимается с чресел его, и не разорвётся ремень у сандалий его; стрелы его заострены, и все луки его натянуты; копыта его камней подобны кремню, и колесницы его как вихрь...»

Страбон, ссылаясь на какой-то источник, пишет: «*...именно во времена Гомера или немного раньше его, как говорят, произошло вторжение киммерийцев в Азию... А что Гомер знал их, это доказывают хронографы, относящие вторжение киммерийцев ко времени незадолго до него или к его времени*».

Более подробно рассказывает о киммерийцах Геродот. На тех страницах «*Истории*», где речь идёт о происхождении скифов, Геродот, изложив несколько легенд, приводит рассказ, которому как он пишет, «*я больше всего доверяю*».

Скифов-кочевников, живших в Азии, стали теснить массагеты, и они двинулись в Киммерийскую землю. Началась война. Киммерийцы не сдержали нашествия скифов и стали думать, что делать: уйти ли из родных мест, так как слишком многочисленны скифы, или остаться лицом к лицу с могущественным врагом. Мнения разделились: цари киммерийских племён настаивали на сражении, но большинство народа стояло на том, чтобы уйти на новые земли и не подвергать опасности семьи и стада. «*И народ не хотел подчиниться, и цари не хотели послушаться народа*». Цари, подумав о том, сколько возможных несчастий постигнет их, изгнанных из отечества,

решили умереть и покоиться в своей земле, но не бежать вместе с народом. Приняв это решение, они, разделившись на две части, стали сражаться друг с другом. И всех их, погибших от руки друг друга, народ киммерийцев похоронил, насыпав курганы над ними. Они покинули свою страну, а скифы, придя, заняли безлюдную территорию.

Подробнее Геродота об этом народе не сказал больше никто. Казалось бы, и этого немало. Ведь бывали случаи, когда только упоминание о народе позволяло археологам точно соотнести с ним известные памятники материальной культуры, район обитания, родственные с другими народами связи. Значит, решение проблем путей движения народа киммерийцев, их языка, особенностей бытовой культуры и многое другое, с чем входит народ в историю, – это вопрос времени. Так как письменные источники исчерпаны, всё дело за расширением масштаба раскопок – археология наука фактов, гипотезы в ней непопулярны... Но парадокс заключается в том, что при всех спорах о языке, быте, маршрутах походов у учёных нет единого мнения в отношении легендарного народа: а существовал ли вообще в древности такой народ – киммерийцы?

Диапазон мнений вмещает не только убеждения в том, что это реально существовавшие в Северном Причерноморье и на Кавказе племена, но и не менее страстные доказательства, что киммерийцы – историческая фикция, что такого народа никогда не было в Северном Причерноморье и вообще нигде. А как же громкие события в биографии народа? «Киммерийцы – это скифы», – утверждают сторонники «небытия», а само слово «киммерийцы» означает просто разведывательный подвижной отряд кочевников... А

возможно киммерийцы – это амазонки, и реальный смысл легенд о женщинах, стреляющих из лука, может быть оправдан существованием у Меотиды и Танаиса киммерийцев.

Мнений не перечислить. Дело в том, что среди археологических культур, выделенных археологами на территории предполагаемого расселения киммерийцев, ни одна с бесспорной точностью не может быть соотнесена с киммерийцами. Как хрустальный башмачок из сказки не подходит ни к одной из претенденток в принцессы и может быть впору только Золушке, но её ещё не нашли.

Тайна киммерийцев хранится на стеллажах музейных фондохранилищ. В спорах о киммерийцах решающее слово, по-видимому, будет за археологическими памятниками Нижнего Дона – исходной территории киммерийских походов в Переднюю Азию через Кавказ.

Советскими археологами за последние десятилетия исследована группа памятников так называемой кобьяковской культуры. Это цепочка городищ времени киммерийцев – Кобяково, Нижнегниловское, Хапровское, Сафьяновское. Они названы по именам современных посёлков, кроме Кобьяковского городища, расположенного на береговом холме у западной окраины города Аксая.

Топография поселений, характер застройки, планировка жилищ, керамика, орнамент, оружие настолько оригинальны, что в северопричерноморских степях неизвестны другие памятники с такими же особенностями. Это дало основание выдающемуся советскому археологу М. И. Артамонову отнести эти поселения к киммерийцам. Пока это гипотеза. Но, по

мнению М. И Артамонова, *«она мне представляется более вероятной, чем все другие»*.

С именем киммерийцев связаны многочисленные географические названия в Северном Причерноморье. Их приводит и Геродот, и позднейшие греческие и римские авторы. Геродот рассказывает о сооружённых киммерийцами оборонительных стенах и рвах на Керченском и Таманском полуостровах. Современный Керченский пролив назывался в древности Боспором Киммерийским, упоминаются гора Киммерий в Крыму, город Киммерик на Таманском полуострове. Некоторые современные исследователи производят от киммерийцев название полуострова Крым. Киммерийская топонимика этого района сохранялась столетиями после того, как сам народ исчез без следа.

Но пока история и судьба древнего народа, упомянутого в поэме Гомера, остаётся загадкой отечественной истории.

Ко времени Геродота народ был забыт – часть его смешалась с пришельцами, другие растворились в бесчисленных войнах в Малой Азии.

Новое могущественное объединение племён выступило на арену всемирной истории. Свой народ они называли *«саки»* – олени. Греки именовали их скифами.

Но только ли имя народа и описание климата – прямые свидетельства плавания Одиссея к северным берегам Понта?

Давайте внимательно вчитаемся в строки поэмы, повествующие о богине Кирке, встреча с которой, начавшись столь драматично для спутников Одиссея,

завершилась счастливым отдыхом в течение целого года.

Остров богини находится совсем близко от страны киммерийцев – всего день пути корабля, значит, где-то в бассейне Чёрного или Азовского морей, иначе выход из Понта через проливы (страшные Симплегады – блуждающие скалы) поэт отметил бы, да и плавание не было бы столь безмятежным: *«Был нам по тёмным волнам провожатым надёжным попутный ветер, пловцам благовеющий друг, парусов надуватель, послан приветноречивою, светлокудрявой богиней; все корабельные снасти порядком убрав, мы спокойно плыли»*.

По географии мифа точной карты не вычертить, но приблизительные границы района действия и обитания героев обозначить можно.

Обратимся снова к кормчим древности, античным авторам. Гомер называет Кирку дочерью бога Гелиоса (потомка титанов, родного брата Эос) и Персы, дочери Океана, – все три имени связаны с восточной окраиной Ойкумены. Обитель богини – *«остров, безбрежную бездной морской, как венцом, окружённый, плоско на влаге лежащей»* – где-то далеко на востоке, откуда *«озаряющий смертных»* отец Кирки начинает свой путь по небосводу.

Выйдя на берег острова, Одиссей со спутниками полностью теряют представление о том, где же они находятся. Это не просто незнакомый остров, это огромное беспредельное пространство неизвестной земли. Одиссей, собрав спутников на совет, говорит им с тревогой: *«Нам неизвестно, где запад лежит, где является Эос; где светоносный под землю спускается Гелиос, где он на небо всходит; должны мы*

теперь совокупно размыслить, можно ли чем от беды нам спастися; я думаю, нечем».

Та же тема окраины мира и леденящего страха потерять путеводную нить береговой черты...

Для слушателей Гомера география сюжета определялась точно – восточная окраина Ойкумены. Ведь все имена действующих лиц связаны с далёким Понтом и Меотидой, Колхидой и Скифией. С берегов этих стран начинается и родословная некоторых персонажей X и XI глав, в которых развёрнут один из центральных сюжетов «Одиссеи».

Братом Кирки был Ээт, царь колхов, правитель Колхиды, один из главных персонажей сказаний об аргонавтах. (Древняя, славная золотым руном Колхида, страна уже историческая – это Грузия.) Иногда античные авторы очерчивают границы его владений до реки Танаис.

В «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского, жившего во второй половине I века до н. э., рассказывается о том, что Кирка была внучкой Гелиоса. «Посвятив себя изучению всевозможных лекарственных зелий, она открыла всякого рода свойства и невероятные силы корней». Выйдя замуж за сарматского царя, она отравила мужа и стала править сарматами. Царствование было недолгим – сарматы её изгнали. «Бежала она к Океану, - повествует Диодор, - и, заняв пустынный остров, поселилась здесь с сопутствующими ей женщинами; по словам же некоторых историков, она, покинув Понт, поселилась в Италии на мысе, который и доныне называется по её имени Киркейским».

И ещё одна деталь, свидетельствующая о том, что этот сюжет из приключений Одиссея связан с самыми ранними проникновениями мореплавателей в

Чёрное море. Кирку поэт называет «богиней богинь», она – «морское божество», и служанки в её доме происходят от источников рощ и священных рек, «течение своё стремящих в солёное море». Её оружие – снадобья, колдовские зелья и волшебная палочка: ударом быстрым жезла загнала злодейка в свиную закуту товарищей Одиссея. Дочь Гелиоса своим прикосновением обезвреживает яды, она может силой заставить Луну сойти с неба, шепча заклинания. Кирка сама смиряет течение быстрых скифских рек; простирая руки к горам, она созывает леса; и деревья, выворачивая корни из земли, бегут к волшебнице, обнажая склоны... Прекрасные сказочные сюжеты, характерные для «доолимпийского периода», – времени, когда черты греческих небожителей, их атрибуты и сферы влияния ещё не отшлифовались, ещё не приобрели классической гармонии олимпийского пантеона (примерно XII – VII века до н. э.)

Одиссей в стране киммерийцев встречался с тенями товарищей бранных, сражавшихся с ним под Троей: могучего Агамемнона, быстроногого Ахилла. Чередой проходят перед ним герои. Мудрый сын Зевса – Минос, который «скипетр в деснице держа золотой, там умерших судил он сидя; они же его приговора кто сидя, кто стоя, ждали в просторном с вратами широкими в доме Аида». Увидел он Тантала, «казнённого страшную казнь: в озере светлом стоял он по горло в воде, и томимый жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался». Геракла «призрак воздушный жалобно, тяжело вздохнул и крылатое слово сказал Одиссею».

Открывая новый мир, знакомясь с его обитателями, эллины старались связать узнанное со своими при-

вычными представлениями об устройстве мира и истории народов, приобщить к общеэллинскому культу местные божества. Так создавались мифы о связях олимпийских богов с героями и богами новооткрытых земель. И постепенно, примерно к VI веку до н. э., в этой уже ставшей классической географии мифов и легенд район северного Причерноморья и Приазовья обихожен богами, героями и людьми почти так же, как и Родина отважных путешественников – Греция.

И если перед Гомером земля на далёком востоке, за пределами родных поэту проливов, соединявших Эгейское и Чёрное моря, представала покрытая мраком и окутанная туманом; то – с каждым новым столетием, знанием и опытом – туман рассеивается, громада неизвестной земли выступает всё чётче, крепнут торговые связи, в устьях рек и на побережье основываются города, описываются родословная народов, их обычаи, климат этих мест, речные русла. Ко времени Геродота Приазовье уже не миф, не легенда, не царство мрачного Аида, это уже географическое понятие, территория его насыщается именами, героями, городами, его пересекают торговые пути.

После Геродота современный историк входит в этот мир, как входят в новый дом, хотя далеко ещё не обжитый, и знаешь по именам пока ещё только жильцов по лестничной площадке, но уже предстает общая заселённость, расположение на местности, занятия обитателей.

У Геродота уже целый фейерверк сказочных историй развёрнут в южнорусских степях, герои и боги Олимпа располагаются здесь совсем по-домашнему.

Вот знаменитый Геракл, совершив свой десятый подвиг (добыл он в поединке с трёхглавым Герионом

его стада), гонит быков и коров с далёких западных пределов земли в Микены к царю Эврисфею. Путь Геракла проходит через страну, *«называемую ныне Скифией»*. Морозная зима застигла его на этой земле, и он выпряг коней из своей колесницы, укрылся шкурой убитого им немейского льва и уснул. Проснувшись, он обнаружил, что кони его исчезли. Геракл отправился на поиски. Долго бродил он по холодной Скифии и, наконец, в одной из пещер обнаружил похитителя коней, точнее, похитительницу. Он изумился её виду – это была змееногая богиня. Долго не отдавала пропажу владычица скифской земли, и, наверное, уже на исходе зимы она, возвратив коней, сказала Гераклу: *«Когда ты уйдёшь из Скифии, у меня родится три твоих сына – скажи, Геракл, как распорядиться их судьбой, когда они возмужают?»* Снял Геракл свой знаменитый лук, подарок Аполлона, отстегнул широкий пояс с золотой чашей у верхнего края застёжки, протянул их богине: *«Когда вырастут сыновья, предложи натянуть лук и подпоясаться поясом. Кто из них выполнит это, пусть остаётся в этой стране и правит ею»*. С этими словами Геракл впряг коней в колесницу и удалился.

Родила змееногая богиня трёх сыновей. Дала им имена: старшему Агафирс, среднему Гелон, а младшего назвала Скиф. Возмужали сыновья. И вот, вспомнив наставление Геракла, вынесла она им лук и пояс с золотой чашей. Агафирс и Гелон как ни старались, не смогли натянуть тетивы отцовского лука и застегнуть пояс. Только младший. Скиф, легко выстрелил из лука и пояс с золотой чашей оказался ему впору. Поэтому он остался в Скифии и стал царём скифов, а братья удалились в другие страны.

Даже очертания берегов Понта Эвксинского греки находили очень похожими на скифский лук с натянутой тетивой. Взгляните на карту Чёрного моря: вершина лука – Таврия, тетива – южный берег. (Археологам скифский лук хорошо известен по находкам и изображениям. Средняя часть его, захватываемая рукой, прямая; а боковые части изгибаются сначала по направлению к тетиве; а потом от неё.) Сравнение понравилось. В самом деле – яркое, точное, образное, лучше не скажешь о море, омывающем скифские берега; его берут на вооружение многие летописцы позднейших времён. Прекрасный образ для поэта – стрелы-корабли, пересекающие по прямой море к северным берегам, к загадочной Скифии.

С VI века до н. э. скифы становятся устойчивым ориентиром для определения огромного района степной и лесостепной полосы от северного Причерноморья до Северного Китая. Общность культуры и этническое родство народов на этой территории бесспорно и в наше время подтверждается археологическими и лингвистическими исследованиями.

ОБРАЗ МИРА

Дивно прекрасная земля.

Океан – отец рек.

Холодный танаисский иней.

Вселенной была обитаемая земля – её называли Ойкумена. Центром Вселенной определяли Элладу, посередине её, в Дельфах, стоял храм с алтарём дельфийского оракула, здесь был пуп земли.

Земля была плоской и круглой – символ завершенности представлений, иллюзия, которой обольщались время от времени все древние эпохи.

Гомеру Вселенная казалась небольшой. Он разделяет известный ему мир по странам света – восток, запад, север, юг. Через два тысячелетия тот же принцип ляжет в основу описания мира Нестором-летописцем в *«Повести временных лет»* – принцип незаменимый, когда нужно описать Вселенную, а не маленький мир в границах племени или государства.

На далёкой восточной окраине Земли розовопёрстая Эос, юная богиня зари распахивает золотые ворота чертогов Гелиоса. Четыре крылатых белых коня влекут колесницу бога солнца, увенчанного лучезарным венцом. Достигнув небесных высот, Гелиос направляет колесницу к западному краю Земли. Здесь на священных водах Океана его ожидает золотая ладья, на которой Гелиос вернётся на восток, где после отдыха, наутро, снова начнёт свой путь по небосводу... Прекрасной сказкой человек ненадолго утоляет жажду совершенства.

Первая карта Земли была начертана Гекатеем из Милета. На медных досках он вырезал контуры Ойкумены. В них уже легко узнать очертания побережий трёх морей – Средиземного, Чёрного и Азовского. Предполагают, что Гекатеем было проведено разделение Ойкумены на три части – три материка: Европу, Азию и Ливию. Материки разделяют великие реки Танаис и Нил, а по окраине Ойкумены их опоясывает Океан.

С юга вздымаются Ливийские горы, к северным окраинам склон суши становится всё круче, превращаясь в Рипейские горы. Они защищают Землю от холодных вод Океана. Рипейские горы огромны,

вершины их достигают звёзд. Поэтому Овидий, сосланный на берега Понта, пишет, что живёт он в стране, весьма близкой к звёздам, в земле, сжигаемой крепким морозом. *«Выше нас лежат Босфор, Танаис, скифские болота и немногие имена едва известных областей. Ещё далее нет ничего, кроме невозможного для жизни холода. Увы, как близок мне край земли!..»*

То, что из Скифии до звёзд рукой подать, наводило некоторых древних авторов на попытки своеобразного толкования имени Чёрного моря. Ход рассуждений был таков: киммерийцами греки времён Геродота называли не народ, а звёзды на небе. А так как край Ойкумены – место их обитания, то значит, берега их родного моря сливаются с небом и столь же темны, как небосвод в звёздные ночи. Мысль оформлена красиво, хотя поддержки у серьёзных авторов не получила, но, наверное, она напомнит читателю средневековую картинку, знакомую по школьному учебнику астрономии: путешественник, добравшись до края земли, раздвигает руками звёзды и видит за прозрачным куполом неба иной мир (на самом деле – эта картинка – стилизация XIX века. – **Прим ред.**)

«История» Геродота – это уже публицистика. В книге сотни названий, имён; мир историка огромен.

Для него понятно, почему одну и ту же землю разделяют меотийской рекой Танаисом на две части света. *«Меня удивляет, как некоторые разграничили Ливию, Азию и Европу... я не могу узнать имена тех, кто произвёл разделение, и откуда они взяли названия».*

Геродот добросовестно перечисляет мифы об устройстве мира, высказывая скептическое недоверие к ним. С него начинается традиция – мир гораз-

до обширнее мифологических представлений. Эта традиция приводила иногда к безумным, по тем временам, идеям.

В III веке до н. э. Аристарх Самосский высказывает поразительную по глубине и дерзости мысль о том, что Земля – шар, вращающийся вокруг Солнца.

Через несколько десятилетий после Геродота философ Платон напишет: *«Я уверился, что Земля очень велика и что мы, обитающие от Фасиса (реки Риони в Грузии) до Геракловых Столпов (Гибралтар), занимаем лишь малую её частицу: мы теснимся вокруг нашего моря, словно муравьи или лягушки вокруг болота, и многие другие народы живут во многих иных местах, сходных с нашими».*

«Земля покоится в центре мира среди однородного неба, - рассказывает Платон. - И мы живём только в одной из многочисленных впадин её как бы на дне моря, не имея возможности выйти за пределы окружающего нас воздуха. И если взглянуть на Землю сверху, мы увидим, что она похожа на мяч, пёстро и ярко расписанный разными цветами. В одном месте она пурпурная и дивно прекрасная, в другом золотистая, в третьем белая – белее снега и алебастра... И даже самые её впадины, хоть и наполненные водою и воздухом, окрашены по-своему и ярко блещут пестротой красок, так что лик её представляется единым, целостным и вместе нескончаемо разнообразным...»

Это было сказано почти за две с половиной тысячи лет до того, как первый космонавт одним взглядом окинул планету и рассказал о прекрасном многоцветье её облика.

Для определения Танаиса в географической картине мира древних очень важно выяснить роль Океана. Поэтому чуть подробнее остановимся на его значении в модели мира первого тысячелетия до н. э.

Океан в этой модели опоясывает земной круг, вдаваясь в материки несколькими главными заливами. Каспийское море считалось северным заливом Океана. Атлантический океан, или, как его называли в римскую эпоху, Великое море, – западным заливом. Именно Атлантический океан, пишет один из латинских авторов, чрезвычайно расплываясь в длину и ширину, наводняет средину земного круга и получает имена морей: Средиземного, Эвксинского (Понт Эвксинский), которым омывается Азия. Танаисское – конечно же Азовское море. Помпоний Мела, географ начала I века н. э., подытоживая сведения о мире в сочинении *«Землеописание»*, называет эти моря одним именем – Нашим морем. *«В своём же разлитии, - пишет он, придерживаясь древней традиции, - наше море... имеет в разных местах разные названия»*. Этим морем и двумя славными реками, Танаисом и Нилом, Вселенная делится на три части.

Некоторые географы оспаривали связь морей с Океаном, считая моря единой изолированной системой, не имеющей выхода в океан. Но сторонников этой теории были единицы. Моря связаны с Океаном, Танаисом, Фасисом и Нилом. Одним из неопровержимых доказательств считался маршрут аргонавтов, вернувшихся домой по Танаису.

Геродот не верит в Океан, считая его поэтическим преувеличением Гомера. *«Смешно видеть, как уже многие составили описания земли, но никто этим описанием не дал разумного объяснения. Они изоб-*

ражают Океан, обтекающий вокруг Земли, которая имеет вид круга, словно начертана циркулем, - иронизирует Геродот, - а Азия у них равна Европе... а ведь различия между ними немалые».

Но ведь позицию отца истории мало кто разделяет, ведь так очевидна безбрежность видных просторов за Геркулесовыми столпами (Гибралтарский пролив). А смутные известия о том, что по ту сторону Рипейских гор на севере Скифии простирается великий холодный Северный, или как ещё называли, Скифский океан!..

«Мир, омываемый океанами, похож на остров, - убеждён Страбон. - Пространство их беспредельно...»

Но неведомые области – это ещё не значит необитаемые. Там, где нет фактов, мысль ищет опоры в фантазии, в предположениях, в гипотезах. *«Обитаемым миром мы называем тот, в котором живём и который знаем; возможно, что в одном и том же умеренном поясе – два обитаемых мира и даже больше...»* Эти строки принадлежат тому же Страбону.

Современник его Сенека полагает, что окраины Ойкумены не только доступны для людей, но что от одного края до другого *«ничтожнейшее расстояние, если благоприятный ветер наполнит паруса».*

Чутьё философа и поэта вернее логики строгого энциклопедиста географа. В трагедии *«Медея»* он предсказывает: *«Настанет время, Океан разорвёт оковы естества, и будет открыта громадная земля...»* – как будто за полтора тысячелетия до открытия Америки поэт вычерчивает маршрут каравеллам Колумба.

Необычный климат Скифии настолько поражал греков, что после Гомера более тысячелетия по всей ан-

тичной литературе кочуют легенды, на все лады варьирующие климатические чудеса страны. Одни авторы, например, Геродот и Аристотель, пытаются дать рациональное объяснение чудесам, другие подхватывают сказку, добавляя в неё новые мотивы.

Вода одной из скифских рек настолько холодна, что человек не способен выдержать даже прикосновения к ней, а если этой водой наполнить сосуд, безразлично металлический или глиняный, то он тотчас же разрушится. Но в Скифии водятся рогатые ослы, и рогом этого осла можно зачерпнуть и сохранить воду. Такой рог был подарен Александру Македонскому и позднее хранился в общегреческом хранилище в Дельфах. Всякий мог прочесть надпись на роге о том, что эта чудесная вещь не была побеждена чистой влагой скифской реки.

В отдельных окраинах Скифии воздух и земля наполнены перьями, потому те районы называются пероносными. Ни всадник, ни пеший не могут проехать там, так как из-за перьев невозможно увидеть дороги...

Вечно сомневающийся Геродот, размышляя об этом, запишет: *«Что же касается перьев, я полагаю, что скифы и их соседи, рассказывая так, уподобляют снег перьям. Всякий видевший вблизи как идёт снег, поймёт меня, потому что снег похож на перья...»*

По-видимому, описание климата вызывало живейший интерес тогдашнего читателя, для которого солнечный день и голубое небо были неотъемлемым свойством Вселенной. Это чувствуется по тому, как Геродот, строгий историк, прибегает к сравнениям, удивляясь необычному: в Греции, когда прольёшь воду наземь, образуется грязь, а когда разведёшь огонь, становится сухо. В Скифии же – наоборот: от

пролитой воды становится сухо – она превращается в лёд, а от разведённого костра на земле грязь – тает. Замерзает море, и скифы совершают по льду военные походы и перегоняют крытые повозки на противоположный берег. Если случится зимой гроза, *«то это изумляет, как чудо»*.

Как факт, которому читатель обязательно удивится, рассказывает Страбон о том, что в городе Пантикапее, столице Боспорского царства, в храме Асклепия стоит лопнувшая от мороза медная гидрия с надписью: *«Если кто из людей не верит, что у нас делается, пусть убедится, взглянув на эту гидрию, которую поставил здесь жрец Стратий не в качестве прекрасного приношения богу, а в доказательство суровости зимы»*.

«Говорят, что к зиме на Босторе виноградные лозы зарывают в землю, - продолжает удивлять читателя Страбон. - Рассказывают также, что полководец Митридата Неоптолем в одном и том же проливе победил варваров в конной битве на льду, а летом в том же проливе разбил их в морском сражении».

Один из римских императоров, организуя после похода в Сарматию триумфальное шествие с демонстрацией снятых с врага доспехов, колесниц, пленников, сокровищ, вывезенных из тех мест, повелел нести перед собой глыбы льда с Меотиды. Затмил ли азовский лёд блеск остальных богатств триумфатора, из текста неясно, но факт примечателен и запоминается.

«Здесь замерзают величайшие реки, - восклицает Диодор Сицилийский, - причём лёд выдерживает переходы войск и переезды нагруженных повозок, замерзает также вино и прочие жидкости так крепко, что их можно резать ножами...» Затем энциклопедист

древности то ли для занимательности, то ли уверенный в достоверности источника, вплетает в факты фантазию. «Что ещё удивительнее, - пишет он, - конечности у людей отваливаются вследствие трения одежды, глаза слепнут, огонь не даёт защиты от холода, медные статуи трескаются, и в некоторые времена года, как говорят, вследствие густоты туч в тех странах не бывает ни молнии, ни грома. Там происходят многие и другие, ещё более поразительные явления, невероятные для незнакомых с этими странами и невыносимые для испытавших их». И поразительные всего для летописца, что обитатели этих стран «не только не желают бежать от чрезмерных бедствий, но, напротив, добровольно могут пресечь свою жизнь ради того, чтобы не быть вынужденными испытать другой образ жизни. Так всякая страна, к которой привык, имеет для него какие-то природные чары...» А вот попытки дать объяснение необычному. Великий мыслитель древности Аристотель, более решительный в научных выводах, чем кто-либо до него, да и долгое время и после, рассуждает:

«Почему в Понте бывают величайшие холод и жары? Не вследствие ли густоты воздуха? Ибо зимою он не может нагреваться, а летом когда нагреется, жжёт вследствие своей плотности. По той же причине и болотистые местности зимою отличаются холодом, а летом жарамии. Или вследствие движения солнца? Ибо зимою оно бывает далеко от них, а летом – близко.

Почему эфиопы курчавы, а скифы и вообще северные народы прямоволосы? Не потому ли, что высушиваемый солнцем волос скручивается подобно другим предметам, а эфиопы живут ближе к солнцу и в чрезвычайном зное; между тем как скифы живут в

холодной стране, где солнце не испаряет находящейся в волосах влаги, так что они и не скручиваются?»

В произведениях знаменитого римского поэта Овидия Назона можно найти своеобразное поэтическое обобщение климатических чудес Скифии. Конец своей жизни поэт провёл в изгнании, по-видимому, в городе Томах, на западном берегу Чёрного моря, куда был сослан римским императором Августом в 8 году н. э. Десять лет он прожил здесь, в непосредственной близости от Скифии и Сарматии. В его «Письмах с Понта» и в «печальных элегиях» легко узнаются многие летописные источники предшественников. И всё же самое главное – переживания поэта, очевидца, годами жившего на краю Ойкумены, создавшего яркие картины природы и быта северных берегов Причерноморья. Зима чужой, незнакомой страны казалась образным воплощением душевной трагедии опального поэта, вынужденного покинуть тёплый край, друзей, семью, книги.

«Я нахожусь в Понте, палимом вечной стужей... Снег лежит здесь на земле, и, чтобы он не растаял от солнца и дождей, Борей скрепляет его и делает вечным... Жители защищаются от жестоких холодов звериными шкурами и сшитыми штанами, из всего тела у них остаётся открытым одно только лицо. Волосы часто звенят при движении от висящих на них ледяных сосулк, и блестит борода, побелевшая от инея. Вино, вынутое из сосуда, стоит, сохраняя форму сосуда, и пьют его не глотками, а розданными кусками... О места, которые не следует посещать счастливому человеку!»

Можно подумать, что изгнанник пишет строки в краю вечных снегов и ледяной пустыни. И только

знакомые имена морей, рек, городов рассеивают заблуждение.

«Сколько живости в подробностях», - писал об Овидиевых элегиях А. С. Пушкин.

«Когда печальная зима выставит своё окаменелое лицо и земля побелеет под мраморным инеем, когда дует Борей... там, где плавали суда, ходят пешком, и конское копыто ударяет волны, скрепленные стужей. Сарматские быки везут варварские повозки по новым мостам поверх текущих волн. Мне, пожалуй, не поверят, но так как за ложь нет никакой награды, то очевидец должен иметь полное доверие к себе: мы видели, как необъятное море покрылось льдом и скользкая кора сжимала неподвижные воды. Мало того, что мы видели: мы ходили по твёрдой воде, и под незамоченной ногой была поверхность волны...»

Поэт собирает зимние впечатления как человек, жаждущий болью притушить душевные муки.

И, наконец, впечатления другого поэта, времени заката Римской империи. Его полное имя Гай Соллий Аполлинарий Сидоний. Жил он приблизительно в 430-480 годах н. э. В песне, посвящённой влюблённым, он рассказывает, как богиня любви Венера промчалась на колеснице, ярмо которой было высечено из кристаллов льда, застывшего ещё в первоначальном холоде только что созданного земного круга. На далёкой окраине Вселенной в танаисском инее этот лёд утратил свойства воды, приняв природу драгоценного камня.

СТРЕЛЯЮТ ИЗ ЛУКА И ЕЗДЯТ ВЕРХОМ

**Легенды об амазонках.
Славянские предания.**

Женщина, сдерживая левой рукой взвившегося на дыбы коня, правой занесла длинное копьё, стремясь поразить воина в шлеме, отражающего круглым щитом удар копья. Силы в поединке неравны, явное преимущество на стороне всадницы с копьём, и воин убегает...

Но исход поединка никогда не станет известным – сцена изображена на прекрасной краснофигурной вазе из сокровищницы Ростовского областного музея. Найдена ваза при раскопках курганов в дельте Дона.

Всадница – амазонка, одна из тех, что *«стреляют из лука, и мечут дротики, и ездят»*. Так писал о них Геродот, первый рассказавший историю о женщинах-воительницах южнорусских земель.

В одном из сражений греки захватили в плен амазонок и на трёх кораблях отплыли на родину. В открытом море амазонки перебили мужчин. Но они не умели пользоваться кормилом, парусами, не умели грести. И долго их носило волнами и ветром, пока не прибились корабли к северному берегу Меотиды. Сойдя с кораблей, амазонки достигли обитаемой земли. Встретив первый же табун лошадей, они похитили его и верхом на лошадях занялись грабежом скифских владений.

Скифы, не зная ни их языка, ни одежды, ни обычаев, не могли понять, откуда объявились так неожиданно воинственные всадники. Они вступили с ними в битву, думая, что это молодые мужчины. Но после, увидев убитых ими женщин, решили больше не сражаться с ними, а послать к ним своих юношей.

Историю эту столетиями считали сказкой. Сюжет её не занимал учёных, но вдохновлял художников и по-

этов. Об амазонках писали эллинские поэты, знаменитые скульпторы древности Поликлет и Фидий высекали из мрамора статуи амазонок. «*Битва амазонок*» Рубенса считается одним из лучших произведений великого фламандца.

Легенда с берегов Дона через сотни лет получила продолжение в другой легенде, но уже географической, на другом континенте, в Южной Америке. Летом 1542 года экспедиция конкистадора Франциско Орельяно, разыскивающего страну Эльдорадо, проплыла по неизвестной великой реке от истоков до устья. После одного из сражений на берегах реки с индейцами монах-летописец записал; *«Битва была не на жизнь, а на смерть... Я хочу, чтобы всем ведома была причина, по которой индейцы так мужественно защищались, - они подданные данники амазонок, явившихся к ним на подмогу. В бою они сражаются впереди всех и являются для оных чем-то вроде предводителей... Сии жёны весьма высокого роста и белокожи, в руках у них луки и стрелы...»*

Самую большую реку планеты называли Амазонкой.

В поэтической антологии об амазонках – имена поэтов всех времён.

Вергилий:

*Женские рати с шумом и громкими криками
Скачут с лунообразными щитами...*

Иван Бунин:

*Здесь царство амазонок. Были дики
Их буйные забавы. Много дней
Звучали здесь их радостные клики
И ржание купавшихся коней...*

Отрывок из стихотворения Леонида Мартынова:

*...И оставив всякую охоту
Затевать со скифами войну,
В скифских банях до седьмого поту,
Если слепо верить Геродоту,
Амазонки мылись на Дону.*

Так что если б легенда и не подтвердилась, то, не став фактом науки, она оставалась бы событием искусства.

В страну амазонок, на край Ойкумены, отправился Геракл за волшебным поясом Ипполиты – царицы. Добыл он его в жестокой битве с воинственными женщинами. Это был девятый, считавшийся самым трудным, подвиг Геракла. В мифологических сказаниях греков с амазонками на равных сражаются и такие знаменитые герои, как Тесей, Беллерофонт, Ахилл. Есть среди них и исторические герои. В одном из сказаний об Александре Македонском, составленном в первые века нашей эры, великий полководец встречается с амазонками. Романтически разукрашенное, оно повествует, как Александр с войском, приблизившись к землям амазонок, увидел, что они значительно превосходят ростом прочих женщин, отличаются красотой и здоровьем, носят цветную одежду, сообразительны и сражаются серебряными секирами.

«Мы пишем тебе для сведения до нашествия на нашу землю, чтобы ты не возвратился бесславно, - написали полководцу амазонки. - Мы ратоборствуем за нашу славу. Если мы одолеем неприятелей или они обратятся в бегство, то им останется на вечные

времена стыд и позор; а если они победят нас, то окажутся победителями женщин... Итак, смотри, царь Александр, чтобы с тобою не случилось того же. Подумай и отпиши нам – и найдёшь нашу рать на границах». Завоеватель мира подумал и вступить в битву не решился.

«Перевалив через поднимающиеся до звёзд высоты, - писал великий трагик Эсхил, - ты вступишь на конную дорогу, по которой придёшь к враждебной мужам рати амазонок».

Некоторые истории звучат философской притчей. Однажды амазонки поднесли Александру хлебные лепёшки, выкованные из золота. Царь удивился: *«Разве вы едите золотой хлеб?»* - *«Если ты довольствуешься обыкновенным хлебом, то неужели ты не мог получить его в своей стране, что пришёл сюда?..»*

В основе этих произведений искусства, столь разных и по времени создания, и по жанру, – одна и та же легенда. Даты рождения её историки не знают. Примерно догомеровский период – середина II тысячелетия до н. э. Но более-менее точно известен район планеты, откуда потянулась цепочка этой легенды, звенья которой вошли в фольклор многих народов Европы и Азии, – это Приазовье. Откроем снова Геродота:

«После примирения со скифами амазонки вместе с юношами-скифами решили уйти из страны, где они впервые столкнулись с кочевниками. «Следует ли нам жить в той самой стране, - сказали они юношам, - где мы лишили вас ваших отцов и сильно опустошили вашу землю. Давайте уйдём из этой земли и поселимся, перейдя реку Танаис». Юноши послушались и, перейдя Танаис, прошли к востоку на рассто-

яние трёх дней пути от Танаиса в направлении северного ветра. *«В этой местности они и теперь обитают»*, - уточняет Геродот. Изложена история обстоятельно, с яркими живыми подробностями, и её не хочется принимать за сказку. Может быть, потому что в ней множество имён, названий племён, мест, событий, если и приукрашенных фантазией, то это преувеличение очевидца, удивлённого необычным настолько, что фантазия уже кажется логически оправданной.

Высокое положение женщины в скифском и сарматском обществе отмечают после Геродота и другие источники. Мать выбирает имена возмужавшим детям и передаёт им предметы на право царской власти: лук, пояс и золотую чашу. В матери воплощалось семейное и родовое единство, со смертью матери связь распалась и люди становились чужими друг другу.

По словам Геродота, наибольшим почитанием пользовались у скифов богиня Табити. Имя её переводится как *«воспламеняющая»*. Она – богиня очага, благосостояния и семейного благополучия.

Из глубины веков от культа этой богини у осетин сохранилась традиция святости домашнего очага – самого священного места в доме. Очаг – символ продолжения рода, в нём непрерывно руками женщины поддерживается огонь.

Геродот называет её *«царицей скифов»*, нарушение её каралось смертью

Из позднейших летописей античной эпохи известны имена сарматских цариц Томирис, Тиргатао, Амаги, оставивших память победоносными походами. Отстранив от дел своего мужа-пьяницу, одна из них, по имени Амага, *«сама расставляла гарнизоны по всей*

стране, отражала набеги врагов и помогала обижаемым соседям».

Когда хотели подчеркнуть готовность мужчины к подвигам, говорили: он смелее амазонки.

Осторожный Страбон к существованию амазонок относился скептически. *«Сказанию об амазонках выпала какая-то особенная судьба, - пишет он. - В остальных сказаниях баснословное и историческое разграничены: сказания древние, неверные и чудесные, называются баснями, история же ищет истины, будь это древнее или новое событие, и чудесного или вовсе не допускает, или лишь изредка. Об амазонках же и прежде и теперь существуют одни и те же сказания, полные чудес и далёкие от правды. В самом деле, кто может поверить, чтобы когда-нибудь составилось войско, город или народ из одних женщин без мужчин? И не только составилось, но и совершало походы на чужбину».*

Легенда об амазонках ждала своего подтверждения фактами более двух тысяч лет. Реальный смысл её обнаружился при раскопках курганов на юге нашей страны, многочисленных курганов в донских степях. Если обратиться к научной статистике, то почти каждое пятое богатое погребение скифо-сарматского времени оказывается женским. Расшитые золотом одежды, роскошные ожерелья, зеркала, бусы, перстни и здесь же – меч, конская сбруя, наконечники стрел и копий. Даже в погребениях девочек-подростков – колчаны со стрелами.

Знатной сарматке принадлежал комплекс вещей из раскопок кургана Хохлач в Новочеркасске. Он вошёл в историю науки под названием Новочеркасского клада. Более ста лет прошло со времени находки, составляющей ныне гордость экспозиции древних

коллекций ленинградского Эрмитажа. География происхождения вещей обширна – степи Причерноморья, Боспорское царство, Малая Азия, Италия. Среди вещей – шейная гривна с рельефными изображениями фантастических животных, спиральные браслеты, украшенные сценами борьбы зверей, флакончики, сосуд с ручкой в виде фигурки лося. Всё выполнено из золота со вставками из камня и стекла. Исключительна по художественности исполнения золотая диадема. Она составлена из трёх широких золотых пластин, соединённых шарнирами. В центре – скульптурная женская головка из халцедона и вставки из граната. Венчает диадему фриз с изображением деревьев, животных и птиц. О символике каждого фрагмента этого произведения искусства рассказать можно многое – здесь не только красота, гармония композиции и удачно выбранных материалов: жемчуга, золота, драгоценного камня, стекла. Диадема повествует о сложном духовном мире; и вещь, предназначенная для украшения царицы, отразила видение мира от повседневности быта древнего народа до представления им сил природы. Здесь и знаменитое «*древо жизни*», и «*олень-солнце*» – космические по масштабам образы.

Средневековый историк VI века до н. э. Иордан, рассказывая о современных ему народах, помещает амазонок по соседству со славянами. О них упоминает автор «*Повести временных лет*».

Академик Б. Б. Рыбаков высказал мысль о том, что под влиянием сарматов сформировались некоторые образы славянских преданий. Во II веке до н. э. «*женоуправляемый народ*» сарматы двинулись от низовьев Дона в северопричерноморские степи, на

несколько столетий отрезав от моря славянские племена среднего Поднепровья, а скифов вытеснив на Крымский полуостров.

Отголосок этих событий прозвучал в русском, белорусском и украинском фольклоре появлением женских враждебных персонажей: *«змеиных жён», «змеиных сестёр»* – в отличие от прежнего символа степных кочевников ещё со времён киммерийцев – многоглавого огненного Змея или змея Черноморского – *«лютого зверя, из хайлища пламень пышет, из ушей дым столбом»*. В славянском эпосе народная фантазия олицетворяла в этом чудовищном звере от трёх до двенадцати головах внешнего врага. И змеиная родственница, сказочная старуха Баба Яга, не выносящая русского духа (*«Фу-фу! Доселева русского духа видом не видано, слыхом не слыхано, а ныне русский дух в очью проявляется»*), – тоже примета богатырского эпоса времён противостояния сарматским набегам, в авангарде которых шли племена языгов (отсюда: Языг – Яга). В царстве этой крайне непривлекательной, сварливой и некрасивой женщины (костяная нога, голова пестом, нос в потолок врос, груди через грядку повисли) – ограда из человеческих костей или высокий тын с воткнутыми на нём черепами. Часто возглавляет она конное воинство, преследуя сказочных героев, или гонится за ними чёрной тучей. Она владеет табунами волшебных огнедышащих коней и летает по воздуху в железной ступе, *«в которой, - замечает Б. Рыбаков, - легко угадать славянское осмысление скифо-сарматского походного котла»*. И когда эта старуха несётся по поднебесью, то стонет земля, трещат и гнутся вековые деревья.

Так сказочный образ неожиданно приобретает, как сказал бы археолог, датировку и хронологические приметы, правда, не становясь при этом менее загадочным. В предании границы между фактами и фантазией размыты, расплывчаты – можно, увлѣкшись фактом, незаметно оказаться в сказке. Но бывает и наоборот: уверенный в том, что имеешь дело с домыслами чистой воды, вдруг обнаруживаешь в них твёрдую сердцевину исторического факта.

В славянский эпос легенда о женщинах на коне вошла не только пугающим образом Яги с помелом.

Вот знакомая с детства прекрасная русская сказка о молодильных яблоках и живой воде. Иван-царевич отправляется за тридевять земель, за тридевять озёр, в тридесятое царство за водой и яблоками, возвращающими жизнь мёртвому и молодость старику.

Три Бабы Яги поочерѣдно помогают ему добраться до хозяйки этих сокровищ, царь-девицы Синеглазки, – приходится она им родной племянницей. Опасна путь-дорога в её царство. *«На первом перевозе отсекут тебе правую руку, на другом – левую ногу, а на третьем – голову»*, – предостерегают царевича Бабы Яги. Да и девица не проста – поляница она, богатырка, девять дней гуляет, тешится в зелёных лугах, *«стук стучит и гром гремит оттого, что красная краса, чёрная коса царь-девица катается»* а потом спит она богатырским сном, *«спит, как сильный речной порог шумит»*. Добрался царевич до её царства, ни рук, ни ног, ни головы не потеряв. Увидел Синеглазку, как выезжает она из своего дворца: всё войско из одних девиц набрано – та хороша, а та ещё лучше! А всех краше, ненагляднее сама царица. В саду её за высокой стеной растёт яблоня с серебряными

листьями, а под яблоней колодец с живой водой. Всё добыл Иван, да не послушался наказа доброго коня своего, не удержался – поцеловал спящую богатырку. Стала настигать его погоня – двенадцать богатырок с тринадцатой девицей Синеглазкой, – ладит на него наехать, с плеч голову снять. Стал он силу с ней пробовать. Разъехались на три прыжка лошадиных, брали палицы боевые, копья долгомерные, сабельки острые. И съезжались три раза: палицы поломали, копья-сабли исцербили – не могли друг друга с копья сбить. Бились с утра до вечера – с красна солнышка до заката. Совладала богатырка. Вытаскивает кинжалище булатный...

Но, как и положено в сказочном жанре, добро побеждает, клад даётся в руки, царством награждается самый смелый, юноша обретает счастье с молодой женой. Всё заканчивается благополучно: герои обрываются, богатырка Синеглазка ещё не раз выручит царевича из беды, а потом уедет с ним в своё девичье царство.

На каких таинственных путях-дорогах истории рождались эти удивительные сюжеты? Сказка – это область, в которой учёный и художник находят общий язык, и, возможно, только их общими усилиями можно ответить на эти вопросы.

Далеко не рядовым сюжетом легенда вплетена в русские былины. Былинные богатырши – поляницы – сражаются с богатырями в степи, в чистом поле, и часто оказываются храбрее, сильнее и проворнее соперника. Им не страшны даже знаменитые Добрыня и Илья Муромец. И при всей их мужской доблести героини былин не утрачивают ни красоты, ни женского обаяния, ни достоинства:

*Не богатырь есть тут, а есть женщина:
Как по улочкам идёт, будто уточка плывёт.
По ступенечкам ступает потихонечку.
А ведь голос у нея как будто с продвизгом,
С поволокою глаза поваживает,
А на тех на рученьках на белых
Даже дужки от колечичек на пальцах знать,
Даже дужки от колечичек не вышли вон.*

Конечно, это вовсе не означает, что амазонки прямиком из легенд античной эпохи перекочевали в русский эпос. Хроника действительных событий питала мифологию и фольклор: легенды о княгине Ольге, совершавшей далёкие походы во главе дружины, – это уже факты исторических документов.

Кто не видел знаменитых «каменных баб» южно-русских степей? Они есть в любом донском музее. Но все ли знают, что они остаются столь же загадочными, как и статуи острова Пасхи, и из лабиринтов множества версий и гипотез об их назначении и происхождении найти выход пока трудно. Но одно несомненно – они свидетельствуют о высоком положении женщины в среде степняков: ведь большая часть изваяний – женские статуи. Обнажённая грудь на статуях – источник благополучия рода. В многочисленных сказках степных народов герой прикасается к материнской груди и, только напившись «густого золотого молока», побеждает врагов.

Летом 1974 года на кургане в степи школьники случайно наткнулись на камень, чуть торчащий из земли. Они перевернули его и на обратной стороне увидели тонких черт скуластое лицо женщины, высеченное в известняке. Один из школьников – я на всю жизнь запомнил его имя – Игорь Линский, девяти-

классник из Зимовниковского, – написал коротенькое письмо в Ростов, в областной музей краеведения, и приложил к листочку письма несколько маленьких фотографий, щёлкнутых «Сменой».

Письмо шло медленно, мы гораздо быстрее добрались до далёкого степного совхоза, когда получили и рассмотрели снимки. Позже специалисты из Ленинградского Эрмитажа и сотрудники музея отреставрировали статую, определили время её создания – XII век. Сейчас она находится в экспозиции заповедника «Танаис».

Эпоху, к которой относится выдающееся произведение искусства, отделяет от времени Геродота более тысячи лет. Иными событиями и людьми жила степь, но, глядя на изображение степнячки, кажется, что безымянный мастер, создавая её, вдохновлялся древней легендой. Наверное, так оно и было, просто легенда, как и во времена Геродота, отразив изменившийся быт и культуру, жила в народе под другими именами, но с тем же бессмертным сюжетом.

Хранит ещё степь свои главные сокровища, и сокровища немалые. И то, что раскопано археологами, – это ещё только начало, мы ещё только прикоснулись к заветным кладовым её памяти.

Ещё не всё и в этой истории об амазонках подтверждено фактами. Широкий диапазон мнений современных исследователей о женщинах из легенды. О них написано столько, что собранные в одном месте книги составили бы огромную библиотеку, а вещи из раскопок, имеющие прямое или косвенное отношение к проблеме, заполнили бы десятки музейных залов.

Одни учёные считают, что амазонки – это киммерийцы, господствующие в южнорусских степях до

прихода скифов. Нет, утверждают другие, легенда отразила высокий авторитет женщины только у сарматских племён. Возможно, объяснение в том, что с уходом мужчин в длительные военные походы безопасность племён и охрана стад ложились на женские плечи... Так было во все времена. В общем, мнений не перечесть.

Отец истории задал загадку, ответ на которую историки ещё найдут не скоро.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Историк Харес Митиленский, служивший при дворе Александра Македонского, записал легенду, услышанную им от скифов. Легенда о двух влюблённых, живших на берегах Танаиса. Она была дочерью царя и слыла красивейшей из женщин во всей Азии. Юноша, несмотря на молодость, был вождём, племя его занимало область, *«лежащую выше Каспийских ворот до Танаиса»*. Они никогда не встречали друг друга, но девушка полюбила юношу, увидев его во сне. Юный вождь, наслышанный о красоте царской дочери, просил у её отца руки девушки. Но царь не согласился отдавать дочь в чужое племя. Собрав со всего царства молодых людей, друзей и родственников, он устроил праздник, никому не сказав заранее, кого он выбрал в женихи дочери. А когда пиршество было в самом разгаре, отец объявил праздник брачным торжеством и, протянув дочери золотую чашу, сказал: *«Возьми эту чашу, наполни вином её, и тот из присутствующих, кому ты сама предложишь ис-*

пить из этой чаши, будет твоим мужем». «А она, оглядев всех, отошла, обливаясь слезами», - пишет историк.

Тем временем юноша, узнав о торжествах, прискакал к Танаису со своими друзьями и расположился лагерем на берегу. Тайно, ночью, на колеснице с одним возницей он приблизился к деревне, где проходил праздник. Укрыв колесницу в густых камышах, он, одетый в простое скифское платье, подошёл к пирующим и увидел влюблённую в него девушку. Она стояла перед посудным столом и со слезами на глазах медленно приготавливала вино. Девушка обрадовалась юноше – ведь это его он видела в своих сновидениях – и протянула ему чашу. Добравшись к спрятанной колеснице, они бежали на родину юноши.

Историк на этом ставит точку, но, по-видимому, финал повести о любви таков, какого ждали слушатели легенды во все времена. Любовь эта пользуется известностью у населяющих Азию и ставится очень высоко, миф этот изображается на картинах, в светлицах и дворцах, а также в частных домах.

Из многотомного труда историка сохранились лишь отрывки и полностью вот эта легенда.

Есть какая-то тайна в избирательности человеческой памяти, тщательно откладывающей для будущего всё, что проникнуто добром, страстью, любовью... Ненависть же будто выжигала вокруг себя всё, оставляя мёртвое пространство, и была обречена на забвение.

И мы, живущие в XX веке, вчитываясь в строки этих повествований, переживаем их так, как будто мы сами – участники событий, ещё не ставших историей.

СЛОВАРЬ

мифологических имён, не объяснённых в тексте

Агамемнон – царь Микен, предводитель греков под Троей.

Аид – брат Зевса, владыка подземного печального царства мёртвых, где протекает река Лета.

Ахилл – герой благородный, *«бессмертным подобный»*, *«быстроногий»*, *«грозный»* – такими эпитетами награждает героя Гомер. Симпатии автора явно на его стороне: Ахилл великодушен, добр, безудержен в своих чувствах. Ахилл – главный персонаж многосюжетной рельефной композиции на золотой обивке горита – футляра для лука и стрел. Рядом с ним Одиссей, Агамемнон, Диомед – герои мифологического эпоса о Троянской войне. Выдающийся памятник древнего ювелирного искусства был найден при раскопках кургана около станицы Елизаветинской в дельте Дона.

Аполлон – сын Зевса и богини Лето, один из важнейших в олимпийском пантеоне, он – бог солнечного света, его атрибуты – лира, лук или кифара.

Геракл – самый популярный народный герой в древней Греции. В одной из легенд, рассказанных Геродотом, Геракл – родоначальник скифов. Возможно, образ Геракла отождествляется с каким-то скифским божеством, имени которого мы не знаем.

Змееногая богиня – самый загадочный образ в религии скифов. Её изображение встречается на многочисленных памятниках из раскопок в Северном Причерноморье и Приазовье. Она одна владеет Скифией, даёт имена сыновьям и распоряжается их судьбой. Можно предположить, что богиня олицетворяет собой порождающую силу земли, связанную с культом растений и животных.

Полифем – сын Посейдона, великан с единственным глазом во лбу. Одиссей, попав со своими спутниками к нему в пещеру, сумел хитростью ослепить великана и выбраться с товарищами из пещеры.

Посейдон – бог морей. В поэме Гомера все беды Одиссея – от преследований Посейдона, пытавшегося расправиться с героем за то, что он ослепил его сына Полифема.

Скилла – чудовище с шестью головами и двенадцатью ногами. Одиссей, вынужденный пройти на корабле пролив, где обитала Скилла, потерял в её страшных пастьях шесть спутников.

Рецензент В. Я. Кияшко, кандидат исторических наук.

Книга «Вначале была легенда: Рассказы о Танаисе» повествует об истории реки Танаис (Дон) в представлениях античных авторов. Прослеживается взаимосвязь источников, соединяется далёкое прошлое с настоящим.

Автор – археолог, заведующий Музеем-заповедником «Танаис».